

Лев Гумилев

**Ритмы Евразии
Эпохи и цивилизации**

ФТМ

Лев Николаевич Гумилев

Ритмы Евразии: Эпохи и цивилизации

Текст предоставлен издательством.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=170566

Л.Н.Гумилев Ритмы Евразии: Эпохи и цивилизации: ФТМ; Москва;

Аннотация

Евразийство – уникальное историко-философское течение, созданное в начале 20-х годов XX века российскими мыслителями, осевшими в эмиграции, однако высшим пиком своего развития обязанное гению Л.Н.Гумилева. Россия как особый исторический и географический мир, со своими законами, со «своим путем» не только в литературе, философии, религии, но и в процессе развития...

Перед вами – важнейший из трудов Гумилева, посвященных «евразийской» концепции прошлого, настоящего и будущего нашей страны, во всей ее сложности и многогранности...

Помимо евразийских работ Л.Н.Гумилева в издание вошли его материалы, посвященные анализу научного наследия князя Н.С.Трубецкого, этнографа и философа, беседа Л.Н.Гумилева с писателем, автором исторических романов Дмитрием Балашовым, а также стихи и письма к Л.Н.Гумилеву видного евразийца П.Н.Савицкого (1895-1968).

Содержание

Л.Н. Гумилев и евразийство	4
Часть первая	24
«Меня называют евразийцем...»	25
Скажу вам по секрету, что если Россия будет спасена, то только как евразийская держава...	27
[9]	
Заметки последнего евразийца[10]	38
Этнология и теория евразийства	39
Что бывает, когда автор более прав, чем его утверждение	50
Неприятие новой концепции	69
Соседи Евразии (Проверка концепции)	72
Евразия XX века («Общевеэразийский национализм»)	86
Из истории Евразии[18]	90
Вместо введения	90
Конец ознакомительного фрагмента.	94

Лев Гумилев

Ритмы Евразии

Л.Н. Гумилев и евразийство

Концепция евразийства проходит через всю творческую жизнь Льва Николаевича Гумилева. Судьба этой концепции сложна и противоречива. Зародившись в начале 20-х гг. в эмигрантской среде вне России, она как бы сошла на нет уже в начале следующего десятилетия¹. Книжки и статьи евразийцев не доходили до нашей страны долгие десятилетия, поэтому не было, да и не могло быть серьезных советских исследований этого течения. Да и по сей день единственное капитальное исследование евразийства – докторская диссертация... немецкого ученого Отто Босса, изданная в Висбадене в 1961 году².

Формально датой рождения евразийства считается 1921 г., когда в Софии вышел сборник статей «Исход к Востоку. Предчувствия и свершения. Утверждение евразий-

¹ В 1973 г. евразиец В. Ильин писал, что тогда имело место «снижение, разложение и вообще говоря гибель евразийства» [«Ступени», 1992, № 2, с.59]. Правда, он же нашел и другое, более верное определение – анабиоз.

² Небольшой, но весьма интересный отрывок из нее опубликован недавно в религиозно-философском журнале «Начала», 1992, № 4.

ства». Создателями этого течения были русские ученые, изгнанные революцией из России и осевшие в эмиграции – в Софии, Праге, Белграде, Берлине. И хотя Зинаида Шаховская отмечала, что они «занимали лучшие кафедры в Берлине, Лондоне, Праге» [О соблазне евразийства. – «Русская мысль», 24 марта 1983 г.], все же это была сложная и тяжелая жизнь в отрыве от России, «в атмосфере катастрофического мироощущения» (Н. Трубецкой), с постоянной тревогой о судьбах России. Вот эта тревога, эти раздумья и поиски пути – истинные, глубинные истоки евразийства.

При этом надо учесть еще и специфику Софии тех лет – крах белого движения, трагедия Галлиполи и переброска воинских частей в Болгарию и Сербию, предательство Запада, господствующее чувство безысходности в русской эмиграции. Неизбежен был поиск и рождение альтернативы – реальной, но отнюдь не сиюминутной. Один из видных евразийцев Георгий Флоровский говорил тогда: «Попыткой не считаться с жизнью, попыткой пойти напролом было „белое“ движение, и здесь именно коренился его неизбежный неуспех» [цит. по: *С. Рыбас, Л. Тараканова. Похищение генерала Кутепова. – «Наш современник», 1993, № 3, с.84*].

Шел поиск **идеи-силы, идеи-ценности** (определения В. Ильина).

Создателями евразийства были филолог и историк князь Н.С. Трубецкой (1890–1938)³, географ и геополитик П.Н.

³ Н.С. Трубецкой, которого законно считают филологом и историком мирового

Савицкий (1895–1968), сын великого русского ученого-естествоиспытателя – историк Г.В. Вернадский (1877–1973)⁴.

Наиболее сжатая, на мой взгляд, формула евразийства дана Н.С. Трубецким. «Национальным субстратом того государства, которое прежде называлось Российской империей, а теперь называется СССР, – писал он в 1927 г., – может быть только вся совокупность народов, населяющих это государство, рассматриваемое как особая многонародная нация и в качестве такой обладающая особым национализмом. Эту нацию мы называем евразийской, ее территорию – Евразией, ее национализм – евразийством» [«Евразийская хроника». Вып. VII. Париж, 1927].

Целью евразийства было «создать новую русскую идеологию, способную осмыслить происшедшие в России события и указать молодому поколению цели и методы действия», – писал П. Савицкий [цит. по: «День», 1992, № 31].

класса, кроме этого был глубочайшим знатоком национальных проблем России. Об этом говорит не только целый комплекс его работ об украинском национализме, но и недавно опубликованная у нас «Записка о народах Кавказа» (1925), написанная как будто бы сегодня («В Абхазии следует признать официальным языком абхазский, поощрять развитие абхазской интеллигенции и внушить ей сознание необходимости борьбы с грузинизацией» [«Политика», 1993, № 3].

⁴ В известных нам библиографических справках не отмечены самые капитальные труды Г.В. Вернадского: видимо, потому, что они написаны позже «евразийского периода», уже в США – «Древняя Русь» (1-е изд., 1943), «Киевская Русь» (1-е изд., 1948), «Монголы и Русь» (1953). В письме П. Савицкого Л. Гумилеву он называет эти труды английской «трилогией Георгия Владимировича» (письмо 7 мая 1958 г.), а позже сообщает, что вышел уже пятый том «Истории России» Г.В. Вернадского (письмо П. Савицкого 4 октября 1967 г.).

Итак, особая территория, особая «многонародная нация», новая русская идеология. И к каждой из этих позиций Л. Гумилев добавил свое весьма существенное.

Территорию нашей страны евразийцы понимали как особый исторический и географический мир, не принадлежащий ни к Европе, ни к Азии, как неповторимую историческую и географическую индивидуальность (П. Савицкий). Л. Гумилев дополняет это учением о «кормящем ландшафте» и «вмещающем ландшафте» – разным, но всегда родном для данного этноса. Для русских это были речные долины, для финно-угорских народов – водораздельные пространства, для тюрков и монголов – степная полоса.

«Долгое время бытовало мнение, что лес и степь находятся между собой в оппозиции, степняки и лесовики борются друг с другом. В этнокультурном аспекте это мнение глубоко ошибочно; как степняки нуждаются в продуктах леса, так и наоборот» [137а), с.4]. И все капитальные работы Л. Гумилева показывают исторические перипетии этого сосуществования, его неизбежность, его естественность.

В письме к Л. Гумилеву один из главных евразийцев – Петр Савицкий поддерживал эти идеи: «Да, конечно. Вы правы: „сочетание разноодарений“ (или, как говорите Вы, „двух и более ландшафтов“) очень усиливает и ускоряет развитие. В этой Вашей мысли нет никакого противоречия моим мыслям. Я думаю, нет в ней противоречия и мыслям Г.В. Вернадского. Все 1920-е и 1930-е годы я бился над пробле-

мой значения „сочетания разноодарений“ для исторического развития», и далее: «Вы с большой четкостью проследили значение „сочетания разноодарений“ для этногенеза... Вам принадлежит безусловный приоритет в этом важном историко-географическом открытии» (из письма 1 января 1957 г.).

Правда, ему не нравился гумилевский термин «вмещающий ландшафт» – «Продолжаю отстаивать термин „Месторазвитие“. Мне кажется, что он динамичнее, чем „вмещающий ландшафт“... помимо того, он обходится без немецких слов, очень для нас нежелательных» (из письма 17 декабря 1965 г.).

И показательно, что Л. Гумилев в одной из последних своих статей уже сам применил термин «месторазвитие» [137а), с.3].

Говоря об историко-методологических выводах евразийцев, о согласии с ними, Л. Гумилев отмечал: «Но главного в теории этногенеза – понятия пассионарности – они не знали» [«Наш современник», 1991, № 1, с.132]. И это вполне естественно – если евразийская доктрина была синтезом истории и географии – геополитики, то учение Л. Гумилева, опирающееся на многие выводы евразийства, было синтезом истории, географии и естествознания. «Георгию Владимировичу Вернадскому, – говорил Гумилев, – как историку очень не хватало усвоения идей своего отца – Владимира Ивановича» [там же]. Интересно, что и сам Г.В. Вернадский отмечал: «Я, конечно, приветствую, что он (Гумилев) принимает

постановку проблемы „биосферы“ моим отцом —...сюда надо добавить и „ноосферу“» (из письма Г.В. Вернадского).

По Гумилеву, именно пассионарные толчки определили ритмы Евразии, доминацию тех или иных сил в разные периоды истории, а вместе с тем сложный процесс формирования единого целого — Евразии.

Это единое целое не противопоставляется всему «остальному миру» — полицентризм является общеметодологическим принципом евразийства. Евразия — не какой-то мифический центр, доминирующий в мире (а ведь теория известного английского геополитика Х. Маккиндера состояла именно в этом), а один из центров. «Евразийский полицентризм предполагает, что таких центров много. Европа — центр мира, но и Палестина — центр мира, Иберия и Китай — то же самое» [«Социум», 1992, № 9, с.81].

Евразийцы выступали за сохранение самобытности этносов, но никогда — за узкий национализм. Наоборот, Н.С. Трубецкой отмечал, что «человек с ярко выраженной эгоцентрической психологией бессознательно считает себя центром вселенной», а поэтому «всякая естественная группа, к которой этот человек принадлежит, признается им без доказательств самой совершенной». А Л.Н. Гумилев дополнял, что «претензии на всемирность собственной культуры характерны далеко не для всех „межнациональных ликов“, т. е. суперэтносов» [«Наше наследие», 1991, № 3, с.21]. Не правда ли, звучит сверхактуально?

Но евразийская концепция направлена и против национализма и против некоей мифической общечеловеческой культуры, на сохранение национальной самобытности. Еще в 20-х гг. Н. Трубецкой отмечал, что общечеловеческая культура – одинаковая для всех народов – невозможна. А в 1992 г., незадолго до смерти, Л. Гумилев объяснил это по-своему. «Поскольку мы на 500 лет моложе (Западной Европы. – С.Л.), то, как бы мы ни изучали европейский опыт, мы не сможем сейчас добиться благосостояния и нравов, характерных для Европы. Наш возраст, наш уровень пассионарности предполагает совсем иные императивы поведения. Это вовсе не значит, что нужно с порога отвергать чужое. Изучать иной опыт можно и должно, но стоит помнить, что это именно чужой опыт» [Л. Гумилев, От Руси к России. – Л., 1992, с.299].

Идеи евразийцев: самобытность срединной, евразийской культуры (основой которой, по Н.Трубецкому, является великорусская культура), господство идеологии (стержнем которой является православие), «правлящий отбор», при котором правящий слой культуры выражает не групповой, а общенациональный интерес. Для современных «демократов» интересно было бы ознакомиться с концепцией власти, данной князем Н. Трубецким, которого никак не объявить ни сторонником коммунистических идей, ни апологетом тоталитаризма. Он писал: «Мысля новую партию как преемницу большевиков, мы уже придаем понятию партии совсем новый смысл, резко отличающий ее от политических партий в

Европе. Она – партия особого рода, правительствующая и своей властью ни с какой другой партией не делящаяся, даже исключаящая существование других таких же партий. Она – государственно-идеологический союз.... не совпадающий с государственным аппаратом» [216а), с.394]. Достаточно остро и современно, хотя написано 70 лет назад...

Лев Гумилев пришел к евразийству не случайно. К глубокому осознанию особого (но не изолированного) пути России, пути русских вместе с другими ее народами привела его вся судьба, вся жизнь – сложная, трагическая, но всегда творческая, и в конце – даже счастливая. В последние недели жизни в больнице он сказал мне изумительные слова: «А все-таки я счастлив, я всегда писал что думал, а не то, что велели».

Л. Гумилев первым поднял свой голос в защиту самобытности тюрко-монгольской истории, первым выступил против европоцентристской концепции о татаро-монгольском иге, об извечной вражде с кочевниками. А знакомство его с Востоком произошло еще в юности, в начале 30-х годов, когда он работал в Таджикистане малярным разведчиком. И на титульном листе его книги «Древние тюрки» стоят такие слова: «Посвящаю эту книгу нашим братьям – тюркским народам Советского Союза». Он писал правду о народах этих стран. «Лично мне, – говорил он, – тесные контакты с казахами, татарами, узбеками показали, что дружить с этими народами просто. Надо лишь быть с ними искренними, добро-

желательными и уважать своеобразие их обычаев. Ведь сами они свой стиль поведения никому не навязывают» [«Известия», 13 апреля 1988 г.].

«Выход» на кочевниковедение, на монгольскую тематику евразийцев и Л.Н. Гумилева шел параллельно и абсолютно независимо друг от друга. Евразийцы не могли до 50-х гг. даже знать о его существовании, а он не мог читать труды евразийцев, естественно, не доходившие ни до Ленинграда, ни тем более до лагерей.

И тем не менее этот параллельный, почти синхронно шедший научный поиск давал близкие результаты. Вспомним, какой резонанс вызвала (да и сейчас вызывает) концепция Л. Гумилева о татарском иге. Но, базируясь на своих работах 30-х гг., П. Савицкий в 60-х гг. писал: «Русь **органически усвоила** ту часть монголов, которая в XII–XIV вв. попала на запад от Мугоджар: переход на русскую службу татаро-монгольских мурз и князей с их дружинниками и слугами в XIV и последующих веках. Как известно, великорусское дворянство, сыгравшее огромную роль в создании великого Русского государства, на 30, 40 и даже более процентов состояло из потомков этих мурз, князей и слуг» (из письма П. Савицкого 2–3 апреля 1964 г.).

П подтверждает эту связь, это единомыслие тот символический факт, что в роду Савицких были Ахматовы.

Высказывался по этим поводам и Н. Трубецкой. В научно-популярной брошюре «Наследие Чингисхана» (1925) он

показал, что государственность России – Евразии строилась не только русским, но и другими народами, населяющими нашу страну, и что большая роль здесь принадлежит наследию, доставшемуся от империи Чингисхана.

Многие из высказываний Льва Николаевича звучат сейчас сверхактуально. Такое, например: «Науке известно, что... навечно закрепленных за каким-то народом земель и территорий не существует. Каждому этносу отведен определенный исторический срок, в пределах которого территория его проживания может и измениться» [«Союз», 1991, № 18]. Сколько крови не было бы пролито в межнациональных конфликтах, если бы политики руководствовались этим бесспорным положением...

Любовь к своей стране преодолевала у евразийцев естественное чувство ненависти к тем, кто заставил их влачить эмигрантское существование, всегда обездоленное, даже при высоких научных постах, которых достигала элита эмиграции.

П. Савицкий, прошедший мордовские лагеря после войны, вспоминал: «В 1953–1954 гг. Матвей Александрович (профессор ЛГУ М. Гуковский. – С.Л.) возил на моих глазах на рыжей кобыле глину. А когда я «пророчествовал» о волнообразном движении, он его отрицал. Расспросите при случае его об этом. Но уже в 1955–1956 гг. его положение стало совсем иным...» (из письма к Л. Гумилеву, 11 апреля

1965 г.)⁵.

Там же, в лесах Мордовии, П. Савицкий написал такие стихи под названием «Грамматистам русским»:

Служили Руси вы. Но труд ваш благородный
Ковал для мира мировой язык.
Заговорят по-русски в мире все народы,
Все племена и каждый материк.

(1952)

А ведь до этого он вынес еще и немецкую оккупацию Чехословакии (...«перестал ходить в общественные библиотеки уже с появления здесь немцев в 1939 г.», – сообщит он потом Л. Гумилеву о своей жизни в Праге (письмо от 28 февраля 1963 г.).

Судьба Льва Николаевича была, как известно, никак не легче, и он отлично понимал П. Савицкого. Поэтому письма их друг к другу исключительно откровенны и доброжелательны. И оба они – патриоты своей страны, своего народа...

⁵ Абсолютно неверна версия о том, что Л. Гумилев и П. Савицкий познакомились в мордовском лагере [Соболев А.В. Полюса евразийства. – «Новый мир», 1992, № 1]. Заочное их знакомство произошло через известного ленинградского историка проф. М. Гуковского, который действительно познакомился в лагере с П. Савицким. Из писем П. Савицкого к Л. Гумилеву выясняется, что он был репрессирован при немцах и спасло его то, что он «фон Завицки». Сидел второй раз он в Чехословакии в 1960 г., но был вызволен Советским посольством. Личное же их знакомство произошло в 1966 г., когда Л. Гумилев приехал на археологический конгресс в Прагу.

Оба они – государственники, пронесшие через все испытания веру в Россию, в ее будущее⁶.

Если П. Савицкого печатали, если Г. Вернадский работал в Йельском университете (США) и выпускал книгу за книгой, то ситуация Л. Гумилева была много сложнее. Три тюремных срока, последний из них после того, как он дошел в рядах Советской Армии до Берлина, – это не все. Долгий период «табу» на его книги, годы работы для ящика письменного стола могли ожесточить человека, но он оставался мудрым, он работал и работал сверхинтенсивно. Лев Николаевич редко высказывался по современным вопросам, работала какая-то внутренняя цензура. Но, видимо, слишком болезненным оказался для него распад страны. И последний раздел его книги «От Руси к России» стал своеобразным завещанием великого ученого, заветом нам – как выходить из этой безнадежности. **Быть самими собой** – лейтмотив этого завещания, и оно идет прямо от евразийцев. «При этом Н.С. Трубецкой отмечал, что признание самопознания целью жизни как человека, так и этноса – мысль не новая. Высказал ее еще Сократ, но он не придумал ее, а прочел на над-

⁶ Ведь поразительно, учитывая время и место действия, слова великого евразийца князя Н. Трубецкого. А он писал в 1927 г., вдали от России – большевистской России, которую он имел основания ненавидеть, – что «общность социального идеала и, следовательно, того направления, по которому устремляется государственная воля всех отдельных частей нынешнего СССР, разумеется, является мощным объединительным фактором» [«Евразийская хроника», вып. VII, 1927, Париж].

писи храма в Дельфах», – напишет в 1990 г. Лев Николаевич в предисловии к сборнику сочинений евразийца Н.С. Трубецкого.

Последние евразийцы на Западе – П. Савицкий и Г. Вернадский – внимательно следили за работами Л. Гумилева, высоко оценивали его концепции. Это видно из десятков писем, которые шли из Праги, а зачастую они дополнялись и отзывами из США (через Прагу), где работал Г. Вернадский.

Вот пара примеров: «Вы делаете великое дело: впервые в истории науки кочевниковедение обосновывается с такой широтой и яркостью, как это дано в Ваших трудах. Ни у кого до Вас не было такого всеобъемлющего кругозора» (письмо П. Савицкого 30 июня 1963 г.).

На больничной койке, незадолго до смерти П. Савицкий пишет:

Великий Лев! Иди дорогой
света
И пусть на многая и творческая
лета
Успех ведет тебя по трудному
пути!

(8 апреля 1967 г.)

Г.В. Вернадский из-за океана следил за каждой статьей Л. Гумилева, передавал свои замечания через П. Савицкого: «Все, что Л.Н. говорит в этих работах, – очень существен-

но, устанавливая возможность подхода к этим проблемам в плоскости естественной, а не гуманитарной науки» (1966).

В 1970 г. Г.В. Вернадский напрямую обращается к Л. Гумилеву: «Вижу, что Вы все обобщаете, развиваете и углубляете Ваши столь важные изучения понятий „этнос“, „ландшафт“ и т. д. на фоне биосферы. Все это дает большой толчок мысли. Буду думать!» (письмо Г. Вернадского, 9 июля 1970 г.).

И Л.Гумилев ощущал себя преемником и продолжателем работ евразийцев 20–30-х гг., перепроверяя и развивая эту концепцию. В предисловии к сборнику работ Н. Трубецкого он писал, что князь «работал на том уровне европейской науки, который ныне, безусловно, устарел. Мы внесем поправки и проверим концепцию кн. Н.С. Трубецкого на прочность, используя материал, неизвестный автору. Если концепция в целом верна, то выводы должны сойтись». И они, к большой радости Льва Николаевича, – сошлись.

Продолжатель и пропагандист (в какое-то время единственный в стране!) должен был по логике нашей жизни получать ответные удары. И он их получал.

На заре «перестройки» тогдашний ортодоксальный марксист Юрий Афанасьев – ныне один из главных «демократов» – нанес такой удар по Л. Гумилеву в журнале «Коммунист». Проработочная тирада звучала так: «В прямом противоречии с марксистско-ленинскими критериями разрабатывались так называемые евразийские теории с их антиис-

торическим, внеклассовым, биолого-энергетическим подходом к прошлому: периоды подъемов и спадов некоей пассионарности в мировой истории, „симбиоз“ Орды и Руси в XIII–XV вв. и т. п.» [Ю. Афанасьев. «Прошлое и мы». – «Коммунист», 1985, № 14, с.110].

Но оказывается «громить» евразийство можно не только с марксистских, но и с яро-антимарксистских позиций, в эпоху «плюрализма». Другой бывший марксист (в отличие от Ю. Афанасьева он работал в «Молодом коммунисте»), а ныне – гражданин США Александр Янов уже после смерти Л. Гумилева в крайне злобной статье так характеризует евразийство: «имперско-изоляционистская установка, характерная для выродившегося славянофильства, неминуемо должна была вести и привела к фашизму» [А. Янов. Учение Льва Гумилева. – «Свободная мысль», 1992, № 17, с.105]. Но и этого мало: «Я утверждаю... что „учение Гумилева“ может стать идеальным фундаментом российской „коричневой“ идеологии, в которой так отчаянно нуждается Русская новая правая» [там же, с.114].

По сарказму А. Янов не удосужился ознакомиться с теми оценками евразийства, которые исходят совсем не от русских новых правых. Великий князь Владимир Кириллович в интервью с азербайджанским журналистом говорил о евразийстве так: «Течение это незаслуженно предано забвению, между тем как многое в идеях Вернадского и Трубецкого, Зелинского и Савицкого, Карсавина, Иванова, барона

Унгерна удивительно актуально именно сегодня. Я имею в виду прежде всего идеи о том, что исторические судьбы России неотделимы от судеб Азии, Евразийского Севера, Турана и, следовательно, тюркских народов. Российская империя могла бы стать, но не стала евразийской. К сожалению. Славянство и Туран, Русь и Степь – эти великие космосы с их глубинными духовными геополитическими связями, – убежден, еще найдут в себе силы и энергию для нового взаимообогащающего синтеза. И идеи мыслителей-евразийцев еще окажут весьма ценную помощь этому мирному объединительному процессу» [«Панорама Азербайджана». 12–18 сентября 1991 г.]. Да, великий князь, в отличие от А. Янова, был высокоэрудированным человеком, а к тому же – государственнымником...

Почему же так заволновались нынешние хулители Гумилева? Дело в том, что евразийство после многих десятилетий анабиоза (запреты прошлой эпохи объясняют это) вновь возрождается, и очень стремительно. Об этом говорит и огромная популярность книг Л. Гумилева, который первым вызвал эти идеи из забвения, и поток публикаций старых статей евразийцев в «Нашем современнике», и поиски философов (малотиражный журнал «Ступени»), и выход нескольких номеров евразийского обозрения «Элементы» (1992–1993 гг.) – весьма спорного по многим идеям, но интересного. Наконец, недавно вышел целый сборник «Пути Евразии» (М., 1992), и ключевые работы первых евразийцев ста-

ли доступны современному читателю.

Интересно и другое: евразийство вновь вызывает интерес и далеко за пределами России. Американский географ Марк Бассин (специальность – геополитика) выпустил недавно обстоятельную статью «Россия между Европой и Азией: идеологическое построение географического пространства» (1991), и еще более неожиданно – о евразийстве знают и в Африке – автор ряда книг по философии и социологии Дикенбе Мутомбо знаком и с концепцией евразийства, и с трудами Л. Гумилева [«Политика», 1993, № 4].

Несколько раньше, в 60–70-х гг. американский ученый русского происхождения А. Рязановский опубликовал целую серию статей об истории и основных слагаемых евразийской концепции [А. *Троянов*. Изучение евразийства в современной зарубежной литературе. – «Начала», 1992, № 4, с.99–102].

Евразийская тема начала подхватываться и политиками, хотя «Русская новая правая» здесь ни при чем. Но если в одних случаях это делается грамотно, со знанием дела, то в других – крайне конъюнктурно. Почти анекдотично тема евразийства звучит в Манифесте Международного движения демократических реформ, где под бессодержательным текстом стоят подписи политиков, которые вряд ли когда-нибудь читали евразийцев, а уж действовали точно «со знаком наоборот». Также вызывают недоумение интерпретации евразийства на страницах упомянутого журнала «Элемен-

ты» (пример тому – более чем странная концепция Ж. Тирриара о «Европе от Дублина до Владивостока»).

Итак, возрождение евразийства – мода или веление времени? Если мода, то вроде бы и нечего волноваться Янову и К°. Если веление времени – тогда сложнее.

А они волнуются, и есть отчего. Ведь Л. Гумилев нацело отвергал те «ценности», которые так милы бывшим партийцам. В статье, опубликованной уже после смерти ученого, прямо говорится, что «соединение двух суперэтносов как таковых невозможно, но остается возможным отрыв отдельных этносов и присоединение их к другому суперэтносу. Вхождение России в „семью цивилизованных народов Европы“ как раз и является одним из проигрываемых сегодня вариантов присоединения страны к новой суперэтнической системе. Но было бы величайшим заблуждением думать, что итогом строительства общеевропейского дома станет обоюдное торжество общечеловеческих ценностей» [См. статью «Горе от иллюзий» в данном сборнике].

Дело в том, что у противников евразийства нет «идеи-силы», нет «идеи-ценности». Не может же стать такой идеей «приобщение к европейской цивилизации» (хотя бы в силу «вторичности» идеи) или «вхождение в рынок»? В лучшем случае – это метод, но где же цель?

Евразийство дает такую «идею-силу», и Ренессанс его может дать опору патриотическим силам – сторонникам сильной государственности – отнюдь не имперской, не русифи-

цирующей. И это хорошо понимают в нерусских государствах и регионах. Идеи Л. Гумилева пользуются высоким авторитетом у ученых Азербайджана, в Татарии, в Казахстане⁷. Но дело не только в ученых, на евразийство «выходят» политики. Именно из Казахстана исходит идея прочного экономического и военного союза (пусть для начала России, Казахстана и Белоруссии). Экономический императив действует, и его влияние будет все сильнее, но наряду с этим усиливается и чувство принадлежности к суперэтносу Евразии, которое тоже является объективным фактором.

Действуют и внешнеполитические реалии. Как не процитировать тут Н.С. Трубецкого – «Те романо-германские державы, которые окажут России помощь... сделают это, конечно, не по филантропическим побуждениям и постараются поставить дело так, чтобы в обмен на эту помощь получить Россию в качестве своей колонии» [*Н. Трубецкой, Русская проблема, 1921, с.298*]. Начинает «работать» и религиозный фактор – жесткое сопротивление санкциям против православной Сербии. И созвучны с этим слова Льва Николаевича – «быть самим собой» – его завет нам в это сложное и тяжелое время. А слова последнего интервью еще раз подчеркивают современность евразийства: «Знаю одно и скажу вам по секрету, что если Россия будет спасена, то только как

⁷ В Азербайджане в 1991 г. вышла книга Л. Гумилева «Тысячелетие вокруг Каспия» (Азгосиздат), а в Татарии – уникальный библиографический указатель «Л.Н. Гумилев» (Казань, 1990).

евразийская держава и только через евразийство».

*С.Б. Лавров, профессор,
президент Русского Географического общества,
вице-президент Фонда Л.Н. Гумилева*

Часть первая

Евразийская теория: новое утверждение

Чем глубже разум проникал
В обетованные пределы,
Тем вдохновенней постигал
Священный дух числа и меры.

Число и мера! Тайный смысл
В них бездны звездной мироздания,
И устремляющая мысль,
И волевое указанье.

Ведь в ритмах стройных и простых
Живет и движется природа.
Растут, мужают, крепнут в них
И государства, и народы.
Периодический закон.

Животворящая идея.
Следим за бегом мерных волн,
Пред тайною благоговей.

П.Н. Савицкий. Число и мера

«Меня называют евразийцем...»

(Отрывок из интервью Андрея Писарева с Л.Н. Гумилевым)⁸

А.П.: Лев Николаевич, давайте начнем с «истоков». Сегодня Вы представляете единственную серьезную историческую школу в России. Последней такой школой было евразийство – мощное направление исторической мысли первой половины нашего века, представленное такими именами, как Н.С. Трубецкой, П.Н. Савицкий, Г.В. Вернадский, отчасти Л.П. Карсавин и Г.П. Федотов. Насколько евразийцев можно считать предшественниками теории этногенеза Л.Н. Гумилева?

Л.Г.: Вообще меня называют евразийцем – и я не отказываюсь. Вы правы: это была мощная историческая школа. Я внимательно изучал труды этих людей. И не только изучал. Скажем, когда я был в Праге, я встречался и беседовал с Савицким, переписывался с Г. Вернадским. С основными историко-методологическими выводами евразийцев я согласен. Но главного в теории этногенеза – понятия пассионарности – они не знали. Понимаете, им очень не хватало естествознания. Георгию Владимировичу Вернадскому как историку очень не хватало усвоения идей своего отца, Влади-

⁸ «Наш современник», 1991, № 1, с.62.

мира Ивановича.

Когда мы говорим «история» – мы просто обязаны отметить или упомянуть, **какая** это история, история **чего?** Существует простое перечисление событий – это хроника; есть история экономическая, описывающая производство материальных благ; есть история юридическая, достаточно развитая России в XIX веке, изучающая эволюцию общественно-политических институтов; есть история культуры, военного дела и так далее. Я занимаюсь этнической историей, которая является функцией природного процесса – этногенеза – и изучает естественно сложившиеся несоциальные коллективы людей – различные народы, этносы. В чем принципиальное отличие этнической истории от исторических наук, изучающих социальные структуры? Этническая история от всех прочих отличается прежде всего дискретностью, прерывистостью. Происходит это потому, что сам процесс этногенеза (как, впрочем, и всякий другой природный процесс) конечен и связан с определенной формой энергии, открытой нашим великим соотечественником В.И. Вернадским, – энергией живого вещества биосферы. Эффект избытка этой энергии у человека ваш покорный слуга назвал пассионарностью. Любой этнос возникает в результате определенного взрыва пассионарности, затем, постепенно теряя ее, переходит в инерционный период, инерция кончается, и этнос распадается на свои составные части...

Скажу вам по секрету, что если Россия будет спасена, то только как евразийская держава...⁹

ВОПРОС: Приходилось слышать, что Ваш, Лев Николаевич, интерес к евразийству проявился очень рано. Не могли бы Вы рассказать, как открыли для себя евразийство?

— Когда я был молод, точнее, когда я еще только поступил на первый курс исторического факультета Ленинградского университета, меня уже тогда интересовала история Центральной Азии. Со мной согласился поговорить «заслуженный деятель киргизской науки» Александр Натанович Бернштам, который начал разговор с предостережений, сказав, что самое вредное учение по этому вопросу сформулировано «евразийством», теоретиками белоэмигрантского направления, которые говорят, будто настоящие евразийцы, то есть кочевники, отличались двумя качествами – военной храбростью и безусловной верностью. И на этих принципах, то есть на принципе своего героизма и принципе личной преданности они создавали великие монархии. Я ответил, что мне это, как ни странно, очень нравится и мне кажется, что это сказано очень умно и дельно. В ответ я услышал: «У

⁹ Ежемесячный дайджест социального соразмывления «Социум», 1992, № 5. Задавал вопросы и подготовил материал к публикации Игорь Савкин.

вас мозги набекрень. Очевидно, вы – такой же, как и они». Сказав так, он пошел писать на меня донос. Вот с этого и началось мое знакомство с евразийством и с научным работником Бернштамом... А в 1938 году, когда я учился на четвертом курсе и был арестован в третий раз (всего же меня арестовывали четырежды), в Крестах, в душной тесноте под нарами (я спал на голом асфальтовом полу), мне пришла в голову замечательная идея...

ВОПРОС: Считаете ли Вы себя преемником евразийской школы в исторической науке? Правильно ли Вас называют иногда «последним евразийцем»?

– Когда меня называют евразийцем, я не отказываюсь от этого имени по нескольким причинам. Во-первых, это была мощная историческая школа, и если меня причисляют к ней, то это делает мне честь. Во-вторых, я внимательно изучал труды этих людей. В-третьих, я действительно согласен с основными историко-методологическими выводами евразийцев. Но есть и существенные расхождения: в теории этногенеза у них отсутствует понятие «пассионарность». Вообще им очень не хватало естествознания. При том, что евразийская доктрина замышлялась как синтез гуманитарной науки и естествознания, синтез истории и географии. Уже при первом знакомстве с теориями евразийцев у меня возникло сомнение: правильный ли они избрали путь – сопоставление вмещающих ландшафтов и истории населяющих их этносов. Основной принцип, найденный Петром Николаевичем Са-

вицким, видным русским географом, верен: границы России – Евразии, отделяющие этот внутренний континент от Западной Европы, проходят по изотерме января. На восток она отрицательна, что имеет следствием сильные и продолжительные морозы, а на запад она положительна – оттепели.

Другой общеметодологический принцип евразийского учения, а именно принцип полицентризма, я усвоил самостоятельно, размышляя над вопросами, которые волновали и евразийских теоретиков. Первой прочитанной мною евразийской книгой было историческое исследование Хара-Давана о Чингисхане (*Э. Хара-Даван. Чингис-хан как полководец и его наследие: культурно-исторический очерк Монгольской империи XII–XIV веков. Белград, 1929*). Позже я прочел в Публичной библиотеке книгу Толля о скифах (*Н.П. Толль. Скифы и гунны. Прага, 1927*), но ни Савицкого, ни Георгия Вернадского, ни евразийских сборников в библиотеках в те сталинские времена, конечно, не было. Правда, в экземпляре книги Толля, который мне попался, было приложение – статья Савицкого «О задачах кочевниковедения: Почему скифы и гунны должны быть интересны для русского?..». Поэтому я вынужден был соображать сам и доходить до многого, так сказать, своим умом. Впоследствии, когда эмигрантская литература стала более доступной, я прочитал работы князя Н.С. Трубецкого и убедился, что задолго до открытия системологии, авторство которой приписали американскому биологу Л. Берталанфи, он

использовал ее постулаты в своей практике как лингвист, этнограф и философ. Особенно важны две его работы: «К проблеме русского самопознания» и «Об истинном и ложном национализме», в которых он подвергает критике укоренившийся в нашем сознании «европоцентризм». Евразийский полицентризм предполагает, что таких центров много. Европа – центр мира, но и Палестина – центр мира. Иберия и Китай – то же самое, и т. д. Центров много, число их можно подсчитать по сходству ландшафтов.

ВОПРОС: Существует версия, что Вы, познакомились с Савицким в мордовском лагере, где он и проповедовал Вам свое учение. Когда Вы на самом деле познакомились с ним и были ли знакомы еще с кем-либо из видных евразийцев?

– Это миф, я познакомился с Савицким Петром Николаевичем много позже. В 1956 году, вернувшись в Ленинград, я некоторое время работал в Государственном Эрмитаже. Однажды я разговорился с часто заходящим в нашу библиотеку профессором Гуковским Матвеем Александровичем. Вот он-то и сидел в Мордовии вместе с Савицким. Когда он сказал мне, что они расстались друзьями и что у него есть адрес Савицкого, я попросил написать ему в следующем письме, что хотел бы вступить с ним в переписку. Десять лет мы переписывались, а когда я приехал в Прагу на археологический конгресс в 1966 году, он встретил меня на вокзале. Мы несколько раз встречались, долго гуляли, он рассказывал о пережитом...

ВОПРОС: Каким Вы видите будущее евразийства, есть ли у него перспективы и что наиболее актуально и ценно в нем сейчас?

– Прежде всего, надо отказаться от таких aberrаций массового сознания, как европоцентризм. Считаю, что самое ценное – это то, что мы наконец-то можем разобраться в истории человечества, рассматривая последнее не как единое целое с единственным центром в Европе, а как мозаичную целостность, вид, разбитый на разные ландшафты.

В этой связи многократно усиливается роль географии. Благодаря евразийству и той солидной исторической подготовке, которой обладали евразийские теоретики, ныне можно объединить такие науки, как история, география и природоведение. И в этом я вижу главное научное достижение, а равно и главную научную перспективу евразийства. Что же касается политики, то я в этом деле специалист никакой и ничего в этом не понимаю, но я знаю одну простую вещь, что если вы оскорбляете людей обидчивых, то они на вас рано или поздно очень обидятся и вам этого не простят...

ВОПРОС: Аполлон Кузьмин на страницах «Молодой гвардии» обвинил Вас в русофобии. Что бы Вы могли ему ответить?

– Считаю, что полемика с А. Кузьминым по вопросам пассионарной теории этногенеза бессмысленна: спорить на научные темы на уровне низкопробных остроумий и нечистоплотных намеков – занятие недостойное. Ограничусь некоторы-

ми историческими не то ошибками, не то передержками А. Кузьмина, касающимися русской истории. Перечислять их все невозможно и не нужно.

В целом как способ полемики А. Кузьмин избрал надежный прием: излагая взгляд оппонента, он его искажает, а потом опровергает собственное искажение...

Почему-то А. Кузьмин приписывает мне абсурдное утверждение, что пассионарный толчок XIII в. н. э. «спустился» только на двух людей – Александра Невского и Миндовга. Это еще одна демонстрация «полемического метода» А. Кузьмина, черпающего представления о взглядах оппонента из собственной фантазии.

Перейдем к примерам из русской истории. Аргументация А. Кузьмина слишком неряшлива. Он ссылается на антимонгольские летописи, воспринимая их некритично. Утверждая, что археологические материалы подтверждают «страшную картину разорения», он не может объяснить, почему церкви во Владимире, Киеве и многих других городах не были разрушены и сохранились до нашего времени. Более того, если считать, согласно Кузьмину, что «население России составляло свыше 11 миллионов человек», то как могли монголы, которых было всего 700 тысяч, завоевать и покорить такой большой, храбрый и культурный народ? Такое предположение обидно не только для наших предков, но и для нас...

Особенно досадно, что Кузьмин спутал два разных похода Тимура на Золотую Орду: 1) 1391 г., когда он одержал побе-

ду при Кондурче, впадающей в Волгу, а не в Каму (как пишет А. Кузьмин); 2) 1395 г., когда Тимур вошел в Рязанские пределы и разорил Елец, но принужден был отступить из-за восстания черкесов, дагестанцев и татар на Кубани и Тереке.

Волжские татары оказались барьером для наступления «Востока» на Россию, а в 1406 г. одно появление Шади-бека на помощь Москве заставило Витовта отступить, не принимая боя.

Точно так же Василий I в 1391 г. пришел на помощь Тохтамышу, он вовремя оттянул свои войска, а второй раз в 1395 г. мобилизовал армию против Тимура, но тот успел отступить, не входя в соприкосновение с русскими.

Разбирать дальнейшие ошибки А. Кузьмина неинтересно. Ограничимся тезисом. Согласно нашей реконструкции, Россия испытывала угрозу с Востока и с Запада, и от Тимура и от Витовта. В обоих случаях Золотая Орда защитила Россию от вторжения и продолжала находиться в союзе с Москвой до своего распада в начале XV века. Разгром Москвы в 1382 г. – всего лишь набег внутри политической системы, инициаторами были суздальские князья. Это событие такого же порядка и значения, как и любая из междоусобных войн на Руси XII–XV вв.

Вряд ли кто-нибудь из читателей согласится с А. Кузьминым, что «доносы – реакция на деспотический режим и связанное с ним беззаконие». Так же думали Сталин, Берия, Ежов и др. Я с А. Кузьминым не согласен, особенно по ча-

сти лживых доносов. Удивительно, что А. Кузьмин обвиняет меня, русского историка и этнографа, в русофобии. Ведь сам он вслед за К. Марксом считает, что душа русского народа «подавлена, растлена и иссушена» монгольским игом, а это и есть самая настоящая и неприкрытая русофобия. Более того – эта русофобская легенда очевидно опровергается историческими фактами. После XIV века русский народ создал великое государство, 600 лет шедшее от победы к победе. Этого с «растленной и иссушенной» душой сделать было нельзя.

Кузьмин удивительно безграмотен. Он утверждает, что среди евразийцев не было ни одного серьезного историка. Мне было просто стыдно это опровергать. Противоположность Запада и Востока вовсе не главное: главное – принцип полицентризма. Утверждение о якобы имевшем место влиянии Грушевского на евразийцев совершенно неверно и никакой реальной основы под собой не имеет. Что касается «наднациональных» влияний («вроде исихазма»), то я удивляюсь, как это меня не обвинили еще в космополитизме: был бы полный набор (вместе с русофобией)... По поводу энергетических импульсов, приходящих из космоса, я выскажусь в другом месте... На этот вопрос отвечает специальная статья, подготовленная с участием астрофизика. И два слова о «поработителях» – без ярлыков Кузьмин не может. Я думаю, что не следует прибегать к неуместному морализаторству там, где должен быть строгий объективный анализ.

Если Кузьмин имел в виду пресловутое «монголо-татарское иго», то я еще раз повторю: они не были поработителями по вышеперечисленным причинам. А по поводу ненависти евразийцев к русским – посудите сами, ведь русские и есть евразийский народ – так как же они могут сами себя ненавидеть?! Известное дело: поскреби русского и найдешь татарина, и наоборот. Откуда взялась эта самая русофобия, то есть настоящая русофобия, я описал в работе «Черная легенда», напечатанной в журнале «Хазар». Она взялась с 1260 года, когда монгольское войско во главе с Кит-Буга нойоном и Хуламуриханом, взяв Багдад, повернуло на Иерусалим, чтобы освободить Гроб Господень. Мусульмане сопротивлялись этому. Внезапно умер верховный хан Менге. Хан Хубилай узурпировал его престол, и разразилась гражданская война. Многие войска были возвращены из похода, а оставшиеся потерпели поражение в том самом, 1260 году.

Когда в Европе узнали, что предводитель разбитого войска Кит-Буга нойон христианин, как и большая часть его воинов, то поднялся страшный шум: как могли крестоносцы-тамплиеры помогать мусульманам разбить христианское войско? Тамплиеры в ответ стали ругать монголов, что, мол, монголы хуже самого черта и что христиане они сомнительные, то есть восточные христиане, а от православных самого Бога тошнит и потому надо их бить. Однако не все поверили их словам. И Филипп Красивый, король Франции, истребил всех тамплиеров в 1314 году. Но тамплиеры остались

в других странах – в Германии, Англии, Кастилии, Арагоне, – и всюду они продолжали говорить, что монголы – это порождение сатаны, что с ними надо бороться и уничтожить их. Таким вот образом сложилась в Европе «черная легенда» о том, что религиозный долг всех христиан, т. е. католиков, бить монголов и их союзников.

Союзниками монголов были русские князья. Начиная с Ивана Калиты Москва была верным союзником Золотой Орды. Русофобия выводится из монголофобии как сопутствующее явление...

ВОПРОС: Были ли Вы знакомы с Вернадскими, отцом и сыном?

– С Владимиром Ивановичем Вернадским я не был знаком, я как-то все больше по тюрьмам сидел в то время... С Георгием Владимировичем Вернадским я также не был лично знаком, но мы с ним переписывались.

ВОПРОС: А каково было место в евразийстве монархической идеи, на Ваш взгляд?

– Возьмите работы князя Трубецкого и посмотрите: довольно слабое место они отводили в общественном устройстве России монархическому принципу. Петра Первого Трубецкой ругает всеми словами, а монархическая идея – он считал – может быть, а может и не быть, он не хотел предпринимать выбор народа. Самое главное – «не попасть к немцам на галеру», к европейцам то есть. Я с ним полностью согласен, это самое главное. Я не хочу быть у немцев на галерах.

Это уже было у нас не однажды.

Евразийский тезис: надо искать не столько врагов – их и так много, а надо искать друзей, это самая главная ценность в жизни. И союзников нам надо искать искренних. Так вот, турки и монголы могут быть искренними друзьями, а англичане, французы и немцы, я убежден, могут быть только хитроумными эксплуататорами.

ВОПРОС: По поводу союзников – Вы не могли бы сейчас указать, кто они, нынешние союзники России?

– Ей-Богу, не могу, не сейчас. Я очень долго болел, у меня был инсульт, и я не знаю, что делается в мире. Знаю одно и скажу вам по секрету, что если Россия будет спасена, то только как евразийская держава и только через евразийство.

* * *

От редакции «Социума»: Мы готовили этот материал в печать, когда пришла скорбная весть о смерти Льва Николаевича Гумилева...

Тяжело и горько об этом говорить. Не стало еще одного из тех, кто составляет золотой фонд нации. Лев Гумилев был Рыцарем Науки и Поэзии и служил им всю жизнь преданно и бескорыстно.

Со страниц этого интервью встает деятельный, полный жизни человек: он полемизирует с противниками, увлеченно рассуждает о будущем... Запомните его таким!

Заметки последнего евразийца¹⁰

(Предисловие к сочинениям кн. Н.С. Трубецкого)

Когда эвакуированные в Галлиполи в 1920 г. войска П.Н. Врангеля начали анализировать причины своего поражения, среди наиболее творческой и интеллектуальной части Белой армии возникла проблема осмысления последствий и причин Великой революции 1917 г.; одни из эмигрантских мыслителей полагали, что они оказались свидетелями случайного переворота, эксцесса, который вот-вот пройдет как страшный сон; другие считали, что гибель монархии была неизбежна, но на смену прогнившему строю должна прийти парламентская республика с капиталистическим экономическим строем, копирующая западноевропейские демокра-

¹⁰ Печатается по рукописи. Сразу возникает вопрос: почему Л.Н. Гумилев назвал себя «последним» евразийцем? Конечно, не потому, что он считал евразийскую теорию законченной и не нуждающейся в продолжателях! Наоборот, он страстно мечтал о ее дальнейшем развитии, о появлении новых ее последователей. Но при этом Гумилев был действительно «последним евразийцем» — членом особого Духовного братства, если угодно, партии, сложившейся в русской эмигрантской среде. Из писем П.Н. Савицкого к Л.Н. Гумилеву, отрывки из которых включены в настоящую книгу, читатель увидит, что Л.Н. Гумилев был единственным советским ученым, которого отцы-основатели евразийской идеологии признали за «своего». С кончиной Л.Н. Гумилева плеяда евразийцев-«партийцев» прервалась. А жизнь теории продолжается, перспективы ее грандиозны. — Примеч. науч. ред.

тии. Третьи, которых было очень мало, пытались разобраться в глубоких исторических причинах судьбы России. Эти пришли к парадоксальным выводам в экономическом, политическом и идеологическом аспектах и категорически разошлись с монархистами-реакционерами и либеральными конституционалистами. Те и другие сочли третье направление близким к большевизму, за исключением вопроса о религии. Новое направление получило название «евразийство». Видными представителями его были П.Н. Савицкий, географ, Г.В. Вернадский, историк и кн. Н.С. Трубецкой, лингвист, этнограф и философ, статьи которого, объединенные в публикуемом томе, удостоены внимания советской научной общности вследствие их оригинальности и серьезности, хотя, разумеется, читатель может относиться к новым точкам зрения сколь угодно критически.

Этнология и теория евразийства

Евразия, евразийство и евразийцы – слова, или термины, перечисленные в заглавии, имеют совершенно разное значение, а тем самым и смысл. Евразия – термин географический, с него и начнем.

Отец истории, стало быть и исторической географии, Геродот разделил известную в его время сушу на части: западнее Эгейского моря – Европа, восточнее – Азия, а южнее Средиземного моря – Африка. Для его времени такого деле-

ния было достаточно, но через две тысячи лет, в эпоху великих открытий, выяснилось, что Европа – просто западный полуостров огромного континента, как Индия – южный, Китай – восточный, Япония, Филиппины и Зондские острова – прибрежные архипелаги, а Средиземное море – залив, образовавшийся в недавнюю геологическую эпоху из-за грандиозного землетрясения.

До тех пор, пока география была служебной сферой практической деятельности, такого деления было достаточно, но с появлением научной географии, включившей в себя биосферу, и даже антропосферу, стало ясно, что деление Геродота неконструктивно, а принцип его – контуры литосферы – взят произвольно и неудачно.

В самом деле: ландшафты Сирии и Ливии похожи друг на друга, тогда как Северная Африка и леса Судана разделены подлинной биосферной границей – Сахарой. Чтобы сохранить номенклатуру Геродота, приходится писать: «Африка севернее Сахары» и «Африка южнее Сахары». А не проще ли удобный термин: «Афразия»?

Еще нагляднее необходимость деления континента на крупные регионы: Индия, ограниченная Гималаями, джунглями Бирмы и пустыней Белуджистана, «Срединная равнина», которую мы называем «Китай», – субтропическая область, орошаемая муссонами, и Великая степь от Хингана до Карпат, ограниченная с юга пустынями и горными хребтами, а с севера широкой полосой леса – «таежным морем»,

за которым расположилась особая циркумполярная область тундры, со специфическими экологическими условиями.

Западный полуостров континента от внутренней его части отделяет атмосферная граница – положительная изотерма января. Гольфстрим смягчает климат Европы и делает его непохожим на резкоконтинентальные условия Евразии – страны, лежащей между Желтым и Балтийским морями. Эта физико-географическая разница была столь очевидна еще в древности, что китайцы III в. до н. э. соорудили Великую стену между двумя природными регионами; то же самое сделали персы около Дербента и в Средней Азии. Китайцы называли северных кочевников – хунну, персы – саками. Романо-германские народы, составлявшие собственную мозаичную целостность, постоянно осуществляя натиск на Восток, пределом этого натиска искусственно избрали Уральский хребет. Когда же стало ясно, что завоевание «Восточной Европы» неосуществимо, завоеватели перенесли агрессию за океаны: в Америку, Австралию и южную Африку, но эта тема лежит вне наших интересов.

Из изложенного ясно, что широко распространенные понятия «Запад» и «Восток» бессмысленны, точнее, неверны. Под «Западом» обычно понимается романо-германская суперэтническая общность, а под «Востоком» вся остальная ойкумена, включающая в себя пять суперэтнических регионов: Островной, Дальний Восток, Китай, Индию, Афразию и

Евразию¹¹. Кроме того, существовали и поныне существуют понятия «Черная Африка» южнее Сахары, Черная Австралия, Меланезия, индейские регионы в Америке и Циркумполярный регион. И это только в первом приближении!

Может показаться, что эта преамбула не нужна для понимания мыслей изучаемого автора. Нет! Любому читателю следует научиться понимать чужие научные идеи и проверять их логику, а также соответствие идей фактам. Ради последнего необходимо уточнить понятие «этнос».

Издавна, со времен Верхнего палеолита, люди, как вид *Homo sapiens*, населили всю сушу Земли, за исключением арктического и антарктического ледниковых массивов. Этому факту способствовала исключительная пластичность вида *Homo sapiens*, способного адаптироваться в разных ландшафтах и климатических условиях. Но эта пластичность и приспособляемость повлияли на возникновение разнообразия людей, всегда живших коллективами, непохожими друг на друга. Эти коллективы называются «этнотами», и каждый из них имеет оригинальную внутреннюю структуру и собственный стереотип поведения. Этнические различия не мыслятся, а ощущаются по принципу: «это мы, а все прочее – иные». Так было и так есть, пока человек остается человеком.

Этносы, возникшие в одном регионе, в одну эпоху, а тем самым от одного импульса [137], в советской науке – этно-

¹¹ Евразия – в трудах европейских географов до XVIII в. называлась Татарией.

логии – называются суперэтническими целостностями. Они часто образуют мозаику типов, культур, политических образований. Каждый этнос, в свою очередь, включает в себя субэтносы – мелкие группы, отличающиеся друг от друга иногда языком, иногда религией, иногда родом занятий, но всегда стереотипом поведения. Этносы – члены одного суперэтноса не всегда похожи один на другой, но всегда ближе друг к другу, чем к этносам других суперэтносов, как по ментальности, так и по поведению. Таковы этносы – нации романо-германского мира: немцы, французы, англичане, итальянцы, поляки, чехи, шведы и испанцы. Они целостность по отношению к представителям «мусульманского мира»: арабам, персам, туркам, берберам и туарегам – или этносам Евразии: русским, татарам и якутам.

Изложенное здесь – простое применение системного подхода [25], хорошо известного и давно принятого в советской науке, кроме истории, так как для последней нужен особый параметр – координата времени. Так, в I в. римляне и эллины были целостностью – «античным миром», а кельты и тевтоны в него не входили. Так и православная Византия не составила единого суперэтноса с Евразией, несмотря на то что ветви восточного христианства распространились в Евразии до Китая.

Но каждая системная целостность имеет темпоральную протяженность, иными словами, начало и конец. Для этнических процессов время существования удалось подсчи-

тать: 1200–1500 лет. Византия и славянство возникли одновременно: первая – как христианская община, возникновение второго – эпизод Великого переселения народов. Начала ознаменовались взрывом пассионарности как диссипацией энергии живого вещества биосферы. Ничего оригинального в этих процессах не было: все остальные этногенезы протекали так же и в те же сроки.

Кн. Н.С. Трубецкой дал подробные дефиниции задолго до открытия системологии, авторство которой приписано американскому биологу Л. фон Берталанфи. Предшественник американского ученого, советский врач А. Богданов, окрестивший свои взгляды «Тектологией», хотя и успел опубликовать свою работу, не был замечен. Та же участь постигла книгу кн. Н.С. Трубецкого: «К проблеме русского самопознания» (София, 1927). Он не употребляет привычного термина «этнос», заменяя его русским словом «лик», а понятие «суперэтнос» – «многонародной личностью» в совокупности с ее физическим окружением. Так для нашей страны это Россия – Евразия, ныне СССР, вместе с МНР, охватившая весь физико-географический регион континента, в котором народы связаны друг с другом достаточным числом черт внутреннего духовного родства, существенным психическим сходством и часто возникающей взаимной симпатией (комплиментарностью).

Тому примером служат отношения русских и бурят в Забайкалье и контакты русских и татар на юго-восточной гра-

нице Московского царства.

В статье «Об истинном и ложном национализме» князь Н.С. Трубецкой отмечает, что «человек с ярко выраженной, эгоцентрической психологией бессознательно считает себя центром вселенной... Поэтому всякая естественная группа существ, к которой этот человек принадлежит, признается им самой совершенной. Его семья, его сословие, его племя, его раса кажутся ему – лучше остальных! Романо-германцы, будучи насквозь пропитаны этой психологией, всю свою оценку культур земного шара строят именно на ней. Поэтому для них возможны два вида отношения к культуре: либо признание, что высшей и совершеннейшей культурой в мире является та... к которой принадлежит „оценивающий“ субъект, либо признание, что венцом совершенства является не только эта частная разновидность, но и вся сумма... родственных культур, созданных всеми романо-германскими народами. Первый вид называется в Европе узким шовинизмом, а второй – общий романо-германский шовинизм – наивно именуется „космополитизмом“».

Надо особо отметить, что претензии на всемирность собственной культуры характерны далеко не для всех «межнациональных ликов», т. е. суперэтносов. Так, индусы с их системой каст, образовавшейся в VIII в., стремятся к изоляции собственного этнического коллектива. Напротив, мусульмане охотно принимают в свою среду тюрок, малайцев, негров-банту, не требуя подражательности в культуре. Евразийские

народы (хунны, тюрки, сельджуки, монголы) переселяются в ландшафты, сходные с родными им, и ищут компромисса с народами, даже ими покоренными (см. ниже раздел «Соседи Евразии». Подобно романо-германцам вели себя предки современных китайцев, народ государства Срединной равнины. Их политика в отношении соседей сводилась к «окитаиванию» последних или к прямому уничтожению.

Как шовинизм, так и космополитизм европоцентризма с позиций Науки вредны для всех неромано-германских этносов, как переливание крови несовместимых групп. Причем одинаково вредны как теория, так и практика европеизации. Ведь этнос – это процесс адаптации к определенному ландшафту, и навыки чужого этноса, называемые цивилизацией, отнимают у аборигенов силы, необходимые для собственного хозяйства; либо, что еще хуже, прививают детям аборигенов навыки, часто убийственные во внеевропейских условиях (алкоголизм, наркомания).

Итак, европоцентризм – явление бедственное, а иногда даже гибельное. Его не компенсирует и трансплантация европейской школьной науки. Школьное образование, несовершенное само по себе достижение романо-германской культуры, при механической пересадке его в иную среду приносит более вреда, чем пользы. Годы, затраченные на освоение школьной программы, часто лишают детей необходимых для повседневной жизни навыков и дают информацию, в жизни неприменимую и потому неизбежно забываемую.

мую.

Таким образом, и космополитизм, как любая другая форма навязывания своих навыков иным суперэтносам является разновидностью шовинизма и, будучи таковым, не может рассматриваться как благо.

Какую ситуацию в межэтнических отношениях Н.С. Трубецкой считает оптимальной? Начнем с понятия «национализма», который в его «истинном» виде Н.С. Трубецкой считает безусловно положительным.

Истинный национализм состоит не в заимствованиях у чужих этносов и не в навязывании соседям своих навыков и представлений, а в самопознании. Это долг, хорошо сформулированный двумя афоризмами: «познай самого себя» и «будь самим собой».

При этом кн. Н.С. Трубецкой отмечает, что признание самопознания целью жизни как человека, так и этноса – мысль не новая. Высказал ее еще Сократ, но он не придумал ее, а «прочел на надписи храма в Дельфах». Принцип самопознания «одинаково приемлем для всех людей без различия национальностей и исторических эпох». Прочность и жизнеспособность этого принципа Н.С. Трубецкой видит в диалектическом единстве задач самопознания, решаемых на личном уровне и уровне этноса. Развивая свою идею, кн. Н.С. Трубецкой приходит к выводу, что «самопознание логически связано с понятием личности», а народ (этнос) он рассматривает как «коллективную личность». В наше время это

формулируется несколько иначе: этнос есть личность на популяционном уровне, выраженная как самобытная культура. Но перефразировка не изменяет смысла.

Необходимо дополнить рассуждения Н.С. Трубецкого данными современной советской науки и сделать вывод, не сделанный самим ученым: общечеловеческая культура, одинаковая для всех народов, невозможна, поскольку все этносы имеют разный вмещающий ландшафт и различное прошлое, формирующее настоящее как во времени, так и в пространстве. Культура каждого этноса своеобразна и именно эта мозаичность человечества как вида придает ему пластичность, благодаря которой вид *Homo sapiens* выжил на планете Земля.

Итак, этническая пестрота – это оптимальная форма существования человечества, хотя политическое объединение различных этносов обладает определенной устойчивостью во времени.

По Н.С. Трубецкому существует вариант «ложного» национализма – это отождествление национальной самобытности с древними культурными формами, созданными в прошлом и переставшими осуществлять живую связь культуры с психикой ее носителей.

В исторической науке «ложный» национализм неизбежно игнорирует смену этносов и характер их взаимосвязей. Так, в XX в. неоднократно делались попытки усмотреть в скифах-земледельцах предков славян, русичей и великорос-

сов. При таком подходе упраздняется живая связь культуры с психикой этносов, так как игнорируется основа этноса – самобытность. Этот вариант ложного национализма не менее вреден, чем вышеописанные, так как в нем вымысел подменяет реальную смену событий, что видно из приложенной таблицы.

Схема этнографии Юго-Восточной Европы за исторический период 2000 лет

Век	Уровень Каспия	Размещение народов				
		В лесной зоне	В зоне степи от Днепра до Дона	В долине Дона	В долинах Нижн. Волги и Терека	В степях от Дона до Волги
IV в. до н.э.	– 35	Невры, гелоны, будины	Скифы	Периербиды	Савроматы	Сарматы
III		Сарматы	Сарматы	Сарматы	Сарматы	Сарматы
II						
I						
I в. н.э.			Сарматы	Сарматы	Сарматы	Сарматы
II						Сарматы–аланы
III			Готы	Аланы		Аланы
IV		Россомоны	Готы	Аланы		Гунны
V		Анты, финны	Гунны	Аланы	Оногуры, барсилы	Гунны, акациры
VI	– 32	Анты, финны	Кутургуры	Аланы	Хазары	Аланы, утургуры
VII		Анты, финны	Булгары	Аланы	Хазары	Булгары
VIII		Русы, вятичи	Венгры, Булгары	Потомки аланов (салтовская арх. культура)	Хазары	Булгары, ясы, касоги
IX		Северяне, поляне, древляне	Венгры		Хазары	Булгары, ясы, касоги,

Век	Уровень Каспия	Размещение народов				
		В лесной зоне	В зоне степи от Днепра до Дона	В долине Дона	В долинах Нижн. Волги и Терека	В степях от Дона до Волги
X	– 29	Киевская Русь	Печенеги		Хазары	Ясы, касоги, булгары
XI		Киевская Русь	Половцы, торки	Беловежцы	Хазары	Половцы
XII		Удельная Русь	Половцы	Бродники	Хазары	Половцы
XIII		Владимирская Русь	Половцы	Бродники	Монголы, хазары	Монголы-татары
XIV	– 19	Литва и Русь	Татары	Бродники-казаки	Дельта Волги залита Каспием	Татары
XV		Литва и Русь	Татары	Казаки	Астраханские татары	Татары
XVI	– 28	Московская Русь	Ногаи	Казаки	Астраханские казаки, татары	Ногаи
XVII		Русское царство	Дикое поле	Казаки	Астраханские татары, греб. казаки	Калмыки, ногаи
XVIII	– 23	Российская империя	Новороссия	Казаки	Казаки	Калмыки
XIX	– 24	Русские	Украинцы	Казаки	Русские татары, греб. казаки	Русские, калмыки
XX	– 28	советские				

Что бывает, когда автор более прав, чем его утверждение («Наследие Чингисхана»: взгляд на русскую историю не с Запада, а с Востока)

То, что патристически настроенного автора интересует история Отечества – закономерно, равно как и то, что его отношение к традиционной историографии может быть не только критичным, но и скептическим. Каждый исследователь имеет право на оригинальные суждения, а читателя интересует лишь, насколько новая концепция убедительнее преж-

ней. В Науке существует только один критерий: мнение не должно противоречить строго установленным фактам, но вправе противоречить любым концепциям, сколь бы привычны они ни были.

Даже более того, многие концепции безнадежно устаревают. Так, взгляды летописца Нестора, придворного историографа великого князя Святополка II Изяславича, вождя древнерусских западников, вряд ли имеют право на безусловное доверие. Многие натяжки и подтасовки в «Повести временных лет» обнаружили академики А.А. Шахматов и Д.С. Лихачев. Так не будем удивляться выводу, предложенному нам Н.С. Трубецким: Киевская Русь XII в. не предок современной России. Действительно, Киевская Русь распалась на 8 суверенных государств еще в XII в., за сто лет до появления монголов и за 300 лет до создания русского национального государства.

Для начала необходимо вспомнить историю создания в Евразии монгольского государства.

В XI–XII вв. монголы не составляли единой нации. Одни служили империи Кинь, охраняя Великую стену. За службу они получали муку, посуду и шелковые ткани. Они назывались «белые татары», т. е. цивилизованные, за что их презирали «черные татары», кочевавшие в северных степях, подчинявшиеся не чужой власти, а своим, «природным» ханам. А еще севернее, на границе степи и тайги, жили «дикие татары», которые презирали «черных татар» за то, что они

привязаны к своим стадам, подчинены старейшинам и ханам и, хуже того, обычаям родового строя, связывавшего любую инициативу. Те юноши, которые не выносили тягот родового строя, уходили в горные леса, добывали пищу охотой и грабежом и погибали от рук своих родственников. Этих обреченных удальцов называли «люди длинной воли», идеалом их поведения были верность дружбе и военная доблесть. Из этой среды вышел Тэмуджин, в 1206 г. победивший соседей-обывателей и избранный Чингисханом. Тогда же был издан новый закон: Яса. В нем главное место занимали статьи о взаимопомощи в походе и запрещении обмана доверившегося. Нарушившего их казнили, а верного своему хану, врага монголов, щадили и принимали в свое войско. «Добром» считалась верность и храбрость, а «злом» – трусость и предательство. Многим монголам этот новый закон был чужд. Они отстаивали древнее право на свободу преступлений!

В 1201 г. ханство Чингиса не охватывало всей Монголии. Часть монголов, кераиты, меркиты, татары, ойраты и найманы, были врагами Чингисхана. Победа над ними, а следовательно и объединение Монголии, было достигнуто в 1206 г., когда Чингиса выбрали общемонгольским ханом. Тогда численность монголов достигала лишь 600–700 тысяч человек. Большая часть евразийской степи: Семиречье, Уйгурия, Приуралье – были самостоятельны, а могучие государства – чжурчжэньская Золотая (Кинь) империя (60 млн. жителей) и Хорезмийский султанат (20 млн. населения, включая весь

Иран и Азербайджан) – были врагами кочевой державы Чингиса, как и Тангут, Камская Булгария и нынешняя Башкирия. Стремиться к завоеванию таких могучих стран, казалось бы, было бессмысленно. Однако завоевание все-таки произошло, и целесообразнее искать причины такого странного явления, чем сваливать вину за гибель людей и разрушения, всегда сопутствующие войнам, на дурной характер монгольского хана. Поиски могут идти по двум направлениям: 1) почему монголы стремились к победам? и 2) почему их соседи позволяли себя завоевывать?

Инициатива войн исходила, как ни странно, не от маленькой кочевой державы Чингисхана, а со стороны его могущественных соседей.

Чжурчжэньская империя Кинь «через каждые три года отправляла войска на север (от Китая) для истребления и грабежа. Это называлось „уменьшением рабов и истреблением людей“. Поныне в Китае еще жива память о том, что тогда редкая семья в Шаньдуне и Хэбэе не имела в услужении татарских девочек и мальчиков. Но и взрослым было не легче. Китайская хроника XIII в. с удовлетворением отмечала, что «те, которые в настоящее время (XIII в. – Л.Г.) у татар вельможами, тогда, по большей части, были уведены в плен. Татары убежали в Шамо (пустыню), и мщение проникло в их мозг и кровь» [107, с.188–189]. Учтя это, можно ли считать агрессией контрудар Чингиса в 1210 г. по чжурчжэньской империи, тем более что монголы ограничились взятием

Пекина в 1215 г. Война не кончилась. Войска чжурчжэней в Китае, пополнившись за счет аборигенов, сражались с монголами до 1235 г. по собственной инициативе, но были разбиты и истреблены.

На западной окраине объединенного кочевого мира находился Хорезмийский султанат – население которого было наиболее несчастным. Власть в Хорезме принадлежала не культурным потомкам согдийцев, а тюркам-кангалам, т. е. восточным печенегам, и их союзникам карлукам и халаджам (в западном Афганистане). Тюркские гулямы (наемные воины) вели себя в Иране так грубо и жестоко, что с 1200 по 1212 г. во всех крупных городах – Нишапуре, Герате, Бухаре, Самарканде – вспыхивали восстания, после которых города отдавались карателям на трехдневное разграбление. Но Мухаммеду-хорезмшаху этих побед было мало: он хотел стать «гази» – борцом с неверными. В 1219 г. он пошел на конфликт с Чингисханом, убил его послов, чего монголы не прощали, был разбит и погиб на острове прокаженных на Каспийском море. Чингисхан ограничился тем, что установил границу по Амударье, но сын Мухаммеда Джеляль-ад-Дин не согласился на территориальные уступки, захватил Азербайджан и возобновил войну с монголами. В 1231 г. он был разбит, бежал и был убит курдом, мстившим за смерть брата.

Как в Китае, так и в Иране монголы отражали нападения отнюдь не местного населения, а отдельных отрядов бывших завоевателей и поработителей: чжурчжэней и тюрков, от-

ступивших после поражения, не сложивших оружия. Вывод: монголы не пытались покорить оседлое население, а стремились установить надежные границы, обеспечивающие безопасность их собственной страны от нападений сильных и безжалостных врагов.

То же самое произошло в Причерноморье. Половцы приняли под свою защиту меркитов, врагов монголов. Степная дорога от Онона до Днепра равна дороге от Днепра до Онона. Оставить открытой границу с мобильным противником – безумие; потому монголы воевали с половцами, пока не загнали их за Карпаты, ради этого совершили глубокий кавалерийский рейд через Русь. Но русские земли с оседлым населением они к своему улусу не присоединяли и гарнизонов в городах не оставляли. Решив поставленную верховным ханом Угэдэем задачу, монголы Батые и Мункэ ушли на Нижнюю Волгу, где чувствовали себя в безопасности.

И наоборот, папа объявил крестовый поход, а Багдадский халиф – джихад против монголов. В число намеченных крестоносцами жертв попали и православные русские, но князь Александр Невский заключил союз с монголами и тем остановил крестоносный натиск. Договор Александра с ханами Бату и Берке был по сути дела военно-политическим союзом, а «дань» – взносом в общую казну на содержание армии.

Мы вкратце обозрели головокружительный процесс создания империи монголов. Ее возникновение заняло всего 60 лет. Какие же принципы, по мнению Н.С. Трубецкого, бы-

ли положены в основание государства его создателем Чингисханом?

Трубецкой считает, что основными принципами «традиции Чингисхана» были:

- деление людей на подлых, эгоистичных, трусливых и, наоборот, на тех, «которые ставят свою честь и достоинство выше безопасности и материального благополучия». По существу, это деление знали сами монголы, называвшие первых «черная кость», а вторых «белая кость» или люди «длинной воли» [153, с.207];

- глубокая религиозность каждого – от великого хана до последнего дружинника. «Чингисхан считал, что эта религиозность является непременным условием той психической установки, которую он ценил в своих подчиненных»;

- повышенное уважение к кочевникам, морально превосходящим покоренные оседлые народы;

- отсутствие догматизма и веротерпимость, касающаяся христиан, мусульман, даосов, буддистов, сторонников религии бон, к которой принадлежал сам Чингис и его род. «Официальной государственной религии в его царстве не было, среди его воинов, полководцев и администраторов были как шаманисты, так и буддисты, мусульмане и христиане (несториане)».

Кратким экскурсом о вере бон необходимо дополнить и отчасти поправить приведенную цитату Н.С. Трубецкого.

Бон – древнее поклонение космосу. Космос персонифи-

цировался в личное бонство – бог «Белый Свет» (ср. у греков – Уран, в Индии – Варуна). Согласно космологии бона, мир устроен из трех сфер: белой небесной области богов, красной земной области людей и синей нижней области водяных духов. Все три сферы прорастает мировое дерево (под которым понимается возможность мистического сношения с верховной и нижней сферами).

Бон распространился из Средней Азии как на Запад, так и на Восток. В Персии и даже на западе, в Римской империи, бон принял форму и название митраизма. В Риме III в. культ Митры особо распространился в солдатской среде, причем охватил даже императоров. В Монголии то же имя звучало как «Мизир». Бон или митраизм там исповедовали отдельные роды кочевников, среди которых был род Бордэнжинов, из которого произошел Чингисхан. Этика теистической системы бон практически не отличалась от этики буддизма: рекомендуется делать добро, устраняться зла, проповедовать истину. Разным было отношение к смерти. В отличие от норм буддизма бон разрешал и одобрял охоту и войну. Распространенной и довольно грубой ошибкой является отождествление религии бон с шаманизмом, являющимся по существу медицинской практикой.

Согласно совокупности этих принципов, «власть правителя должна была опираться не на какое-либо господствующее сословие, не на какую-нибудь правящую нацию и не какую-нибудь определенную официальную религию, а на опре-

деленный психологический тип людей».

Насколько справедливо мнение Н.С. Трубецкого, мы попытались разобраться, интерпретируя известные события XIII в.

Особое значение имеет тезис Н.С. Трубецкого о положении Руси в составе государства монголов. По словам ученого, «...нелепо писать историю России эпохи татарского ига, забывая, что эта Россия была в то время провинцией большого государства». Итак, Россия – провинция монгольской империи. Она «втянута» в финансовую и, разумеется, военную системы монголов.

Нам придется внести необходимые поправки. С точки зрения современной советской науки название Руси «провинцией» империи вряд ли точно. Сам факт государственного единения несомненен, но объединение Руси с Улусом Джучиевым (Золотой Ордой) в 1247 г. произошло спустя девять лет после похода Батые осенью 1237 г. Дань же русские князья начали платить лишь в 1258 г. Иными словами, Александр Ярославич Невский признал суверенитет хана Орды, и случилось это в том самом году, когда папа объявил крестовый поход против схизматиков (православных) и татар (монголов). Очевидная взаимосвязь этих событий дает право на понимание ситуации «Русь – Орда» как военно-политического союза. Это политическая ситуация, напоминающая решение Переяславской Рады в 1654 г. о вхождении Украины в состав Русского царства, при сохранении на Украине своих

законов и порядка управления.

Князь Н.С. Трубецкой был, безусловно, прав, придавая большое значение роли православной церкви, поддержанной «сильным подъемом религиозной жизни». К сожалению, в дальнейших рассуждениях о необходимости «оправославливания» монгольской государственности автор упускает из виду существование очень большого числа монголов-христиан (несториан) [107, с.47–50].

В 1312 г. при победе в Орде ислама и начале религиозных гонений множество монголов-христиан эмигрировало на Русь, поступая на службу в русских княжествах.

Таким образом, «наследие Чингисхана» действительно попало на Русь, но не в 1238 г. под грозными бунчуками монгольских нойонов, а с нательными крестами женихов для ростовских, рязанских и московских красавиц. Немногочисленные монголы на Волге – всего 4000 воинов, и, следовательно, не более 20 тыс. человек, за полвека растаяли среди половцев и русских. Они стали друзьями богатырей и витязей, прихожанами церквей и посетителями мечетей. И тут возникает вопрос: о каком иге можно говорить, да и знали ли сами древние русичи слово «иго»? Впервые оно употреблено в грамоте запорожских казаков Петру I, содержащей жалобу на произвол одного из воевод, но как применить его к великому княжеству Владимирскому, добровольно примкнувшему к Золотой Орде в 1263 г. по воле святого князя Александра Невского.

Перейдем к наиболее важному вопросу о татарском иге. Н.С. Трубецкой придерживается традиционной точки зрения о существовании татарского ига на Руси, что не вполне увязывается с представлениями автора о евразийском единстве. Сомнения в действительном существовании «ига» вызывает и следующий факт. В 1312 г. хан Узбек насильственно ввел ислам как государственную религию Орды. Принятие ислама было обязательно под страхом смерти для всех подданных хана... но не распространялось на русские княжества! Более того, противники ислама находили на Руси надежное убежище. Это показывает, что зависимость Руси от Золотой Орды ограничивалась политической сферой, но не распространялась в области идеологии и быта (торговля, ремесла, празднества, образ жизни).

Итак, тезис кн. Н.С. Трубецкого, что «московские князья... превратились как бы в бессменных и наследственных губернаторов русской провинции татарского царства и в этом отношении сравнялись с другими ханами-правителями отдельных провинций...», неверен, как по существу, так и с позиции евразийства, отстаиваемого автором.

Ханы Тохта, Узбек, Джанибек и даже Тохтамыш давали ярлыки на великое княжение не только московским, но и тверским и суздальским князьям. Не трон московского князя, а престол митрополита связывал Поволжье и русский улус. Епископия Сарская и Задонская подчинялись митрополиту всея Руси. Да и князья городов подчинялись митро-

политам Петру, Феогносту, Алексию и игумену Троицкой лавры – Сергию.

А в Орде русские интересы представляли епископы Сарский и Задонский. Новообращенные в ислам кочевники уважали православие не меньше ислама: фанатизм наблюдался только у камских булгар, наименее надежных подданных Орды.

Как Н.С. Трубецкой трактует события 1480 г.? По мнению автора, произошла «замена ордынского хана московским царем с перенесением ханской ставки в Москву». Вывод довольно странный с точки зрения традиционной историографии и тем не менее абсолютно верный.

Дело в том, что Орда с момента возникновения не являлась монополистом. Уже в XIII в. существовало разделение на Золотую (на Волге), Синию (в Тюмени) и Белую (на Иртыше) Орды. С конца XIII в. смуты и дробление охватили собственно Золотую Орду. Темник Ногай, «враг греков» и тайный мусульманин, попытался захватить власть в Сарае, но в 1299 г. проиграл сражение с законным ханом Тохтой и был убит русским ратником. В XIV в. его попытку повторил темник Мамай, друг генуэзцев и литовцев, уже обратившихся к союзу с папой. Дмитрий Московский выступил в поддержку Тохтамыша, чингисида, опиравшегося на сибирских татар. Дмитрий в 1380 г. стал Донским, а Мамай позже пал в Кафе (Феодосии) жертвой предательства генуэзцев.

В XV в. Орда распалась. Отложились: Крым, Казань, Бе-

лая Орда – на Иртыше, Синяя орда в Тюмени и ногаи – на берегах Яика, черкесы на Кубани, но русский улус соблюдал верность.

Наконец раскололась сама Золотая Орда. Хан Улуг-Мухаммед с двумя сыновьями бежал на Русь, а его победитель – Кучук-Мухаммед оставил престол своему сыну и наследнику – Ахмеду. Улуг-Мухаммед был убит своим сыном – Махмутеком, но брат отцеубийцы, Касим, остался на Руси, получил для жительства Мещерский городок и стал самым верным сподвижником Иоанна III, сохранив при этом веру ислама.

Итак, формулировка Н.С. Трубецкого о смене столиц, будучи бесспорной, требует лишь добавления о сопутствовавшей смене династий. А в XVI в. земли бывших Золотой и Синей орды (Поволжье и Тюмень) были воссоединены, на сей раз под рукой московского государя.

Иной оказалась судьба юго-западных княжеств. Белая Русь, Галиция, Волынь, Киев и Чернигов отказались от союза с Ордой и... стали жертвой Литвы и Польши, отдавшей завоеванную страну на откуп еврейским ростовщикам, компрадорской буржуазии Средневековья. Белорусам и украинцам под властью Польши было несладко. Католическая реакция в XVI в. поставила население Малой, Червленной и Белой Руси перед альтернативой потери либо свободы, либо совести, т. е. вероисповедания. Эксплуатация белорусских и галицких крестьян через посредство евреев, приглашенных

в Польшу из Германии и Испании, лишила сельское население всякой самостоятельности. Городское население русского происхождения исчезло, а аристократия была обращена в католичество. Те же русичи, которые пытались отстоять свои традиции, бежали на границу со степью и в Запорожье, и только через ряд восстаний отстояли свои права при Богдане Хмельницком. Великороссия же подобных бед избежала благодаря союзу с Золотой Ордой, отразившей в 1399 г. при противостоянии на р. Нарове натиск ливонских рыцарей. Сохранение Новгорода в пределах России, в это время возглавившей народы западной Евразии, во многом – заслуга татар, научивших русскую конницу приемам степной войны.

А время было крайне опасным. В Новгороде возникла западническая партия, желавшая подчиниться «крулю лядскому» и остаться членом Ганзы, Смоленск – щит России – переходил из рук в руки; Крым менял ориентацию с польской на турецкую. Враги чингисидов – ногайцы, вырезавшие в 1480 г. население Сарая, боролись с русскими за Сибирь. Орда в XV–XVI вв. не представляла единого целого, но выиграли те татары, которые вошли в состав России.

Военная традиция Чингисхана, бывшая до XV в. наиболее совершенной от Атлантики и до Тихого океана, перенятая Москвой, обеспечила независимость России. Монголы принимали к себе на службу любых смелых и верных воинов.

Также поступали в XIV–XV вв. на Москве, благодаря че-

му переманили к себе много православных литовцев, большую часть языческой мордвы и монголов-несториан. Этими людьми (мы назвали бы их пассионариями) в значительной мере была укомплектована армия, одержавшая победы на Куликовом поле, на Шелони и под Смоленском. Это войско и можно считать военным «наследием Чингисхана».

Исторические тезисы требуют наглядных примеров, иначе они неубедительны. В XV в. Великое княжество Московское было зажато тремя крупными противниками: государством Тимуридов, которые могли добраться до Волги по пути страшного деда; османским султанатом, уже подчинившим Балканский полуостров, и романо-германской общностью, продолжавшей «натиск на Восток», авангардом которого являлось Польско-Литовское королевство, втянувшее в коалицию Новгород, заимствовавший на Западе тяжелое вооружение рыцарей, считавшееся в XV в. наиболее совершенным.

Москва могла рассчитывать только на свои силы, но в 1456 г. у нее возник конфликт с Новгородом, и москвиты под командованием кн. Оболенского-Стрыги и Федора Басенка разграбили Старую Руссу. Обрадованные победители повезли добычу домой на санях, но были настигнуты пятью тысячами новгородских латников. Москвичи испугались не столько новгородцев, сколько своего князя и приняли бой: 200 стрелков против 5000 латников. Владея длинными луками и привычные к верховой езде, москвичи стреляли по

крупам коней, которые стали сбивать всадников. Те падали с коней в сугробы и не могли подняться из-за тяжелой брони, как все западные рыцари.

Пленных было мало, потому что «некому было брать их». Новгород капитулировал и заплатил контрибуцию [239, кн. II, с.425].

Этот эпизод, сам по себе незначительный, показывает, каким образом Россия XIV–XVII вв. устояла в войне с Польшей и Швецией, обладавшими регулярными армиями и артиллерией, хотя последняя была и в Москве.

Действительно, Петром была усовершенствована и взлелеяна регулярная армия, одержавшая победу над шведами под Полтавой. Но война с Турцией была проиграна, персидский поход принес завоевания на южном берегу Каспия, удержать которые оказалось невозможно, а столкновения с Хивой и Джунгарским ханством кончились поражениями. Швеция же была принуждена к Ништадтскому миру не гренадерами и драгунами армии европейского образца, а «низовыми» войсками: казаками, башкирами и татарами, которые переходили по льду Ботнический залив и предавали огню и грабежу окрестности Стокгольма. Степные навыки войны оправдали себя и здесь.

В последний же раз луки были применены в битве народов в 1813 г. у Лейпцига. Этот воинский дух был наследием долгого контакта русских с народами Сибири и Великой степи, в котором было гораздо больше дружбы, чем вражды. Этот

контакт не был еще известен в 1920-е годы, когда кн. Н.С. Трубецкой создавал свою концепцию. Его интуиция оказалась грандиознее его эрудиции.

При проверке его выводов и аргументов выясняется, что новые материалы, неизвестные Н.С. Трубецкому, говорят в пользу его общей концепции. И не вина автора, что он их не использовал: таков был уровень науки начала XX в.

Любой привычный (т. е. обывательский) тезис нуждается в пересмотре. Ради этого и существует наука. Оценка Петра I – преобразователя, произведенная Н.С. Трубецким, позволяет интерпретировать ход событий на широком историческом фоне.

Кн. Н.С. Трубецкой правильно отмечает, что перед Московской государственностью стояла важная задача: оборона против Запада. Половина Древней Руси в начале XVII в. была оккупирована Польшей. В начале этого века, в Смутное время, был момент, когда в Москве стоял польский гарнизон, и независимость России была под угрозой. Московскому государству угрожала судьба восточной Монголии, захваченной Китаем, и Средней Азии, ставшей добычей Тимура.

В XVII в. в Западной Европе настала эпоха технического прогресса. Для того чтобы устоять против активизации агрессии Польши и Швеции, русским понадобилось обновление военной техники, и роль преобразователя принял царь Петр. Однако кн. Н.С. Трубецкой полагает, что «задача была выполнена именно так, как нельзя было ее выполнить...

военная мощь была куплена ценой полного культурного и духовного порабощения России Европой», и перечисляет ряд крайне болезненных и вредных нововведений, как то: упразднение патриаршества, различные кощунства, изменение придворной одежды и этикета – «ассамблеи», приглашение на высшие посты иностранцев, Это дает Н.С. Трубецкому основание назвать новый период истории России «периодом антинациональной монархии». Европеизацию князь Н.С. Трубецкой считает причиной разрушения национального единства, розни между классами, сословиями, поколениями... короче говоря, итогом стала «изуродованная Россия». Кн. Н.С.Трубецкой формулирует свои мысли и оценки предельно четко. Он считает, что «за Петром могли пойти только не русские, приглашенные им на службу иностранцы, либо русские оппортунисты, беспринципные карьеристы, гонящиеся... за наживой...». Знаменитые «птенцы гнезда Петрова» были большей частью отъявленными мошенниками и проходимцами... То обстоятельство, что, как с грустью отмечают русские историки, у «Петра не нашлось достойных преемников, было вовсе не случайно: действительно – достойные русские люди и не могли примкнуть к Петру». Кн. Н.С. Трубецкой не противник заимствования европейской техники, но осуждает эксцессы, без которых можно было достичь больших результатов при меньших затратах. Наихудшим последствием петровских реформ он считает их необратимость.

Сначала Петр окружил себя иностранцами и русскими подхалимами, рассматривавшими русский народ как податную массу. Этот подход к собственной стране практиковался наследниками Петра до 1741 г., предельным воплощением его стала «бироновщина». Екатерина II действовала более тонко: она ударила по русской культуре секуляризацией 80 % монастырей, бывших хранилищами летописей и древних икон. Введенные ею закрытые учебные заведения превращали самых способных русских во второстепенных европейцев. При этом подразумевалось забвение традиций, а немца из русского сделать было невозможно.

В XIX в. самая пассионарная часть русских воинов погибла в войнах с Наполеоном. Война была выиграна в значительной мере за счет монгольских традиций (партизанской войны), но восстановить генофонд и культурный фонд не удалось; впрочем, к этому даже не стремились.

Истребление евразийских традиций теперь продолжалось под лозунгом «русификации». С местными традициями и оригинальными мировоззрениями была проделана та же инволюция, что и с православием. Зато появились европейские философско-социальные концепции.

Так возникла безотчетная вера в технический прогресс, который якобы осчастливит человечество, учение о борьбе за существование и агностицизм Огюста Конта. О несостоятельности первой концепции не стоит даже говорить. Вторая заменена обратным тезисом конвергенции биоценоза (видо-

образование нашло себе объяснение в процессе мутогенеза). Третья концепция – идея об ограниченности человеческого познания, заявленная Контом как невозможность познать химический состав звезд, – была опровергнута... спустя год открытием спектрального анализа. Стоило ли ради подобных заимствований уничтожать монастырские библиотеки и шедевры иконописи, что проводилось со времен Екатерины.

Все вышеизложенное дает Н.С. Трубецкому бесспорное основание назвать Российскую империю с восторжествовавшим в ней западничеством «антинациональной монархией».

Неприятие новой концепции

Несмотря на то что авторы евразийского направления писали много, легко и увлекательно, их мысли были отвергнуты многими, даже слишком многими читателями. В отношении ученых-аборигенов Западной Европы это объяснимо и объяснено с исчерпывающей полнотой самим автором – кн. Н.С. Трубецким:

«Затаенной мечтой каждого европейца является обезличение всех народов Земного шара, разрушение всех своеобразных обликов культур, кроме одной европейской... которая желает прослыть общечеловеческой, а все прочие культуры превратить в культуры второго сорта».

Этот тезис входит в сознание каждого европейца с детства

и, более того, с начала этногенеза современных европейских этносов, т. е. с IX в. Убежденные в своем превосходстве крестоносцы шли в Палестину и Прибалтику, на Константинополь и Болгарию, а потом в Америку – грабить индейцев, в Африку – захватывать невольников, в Индию, на Яву и даже в Китай, где индийский опиум находил широкий сбыт. И при этом у «цивилизаторов» не возникало никаких угрызений совести: ведь приобщение «дикарей» к культуре – это героика, «бремя белого человека». А то, что ограбляемые народы ничуть не хуже европейцев, последним не могло прийти в голову, ибо стереотип этнического поведения не может быть нарушен логическими доводами. Но эмоции европейцев, знакомящихся с евразийцами, однонаправленны. Да и в самом деле, как тут не обидеться?

Однако европейцы были настолько убеждены в своей правоте, что рассматривали направление евразийцев как несерьезный домysel русских оригиналов и поэтому давали им жить, зарабатывая изданием филологических и художественных шедевров. Иначе восприняли евразийство немецкие фашисты. Русские издания или запрещались, или задерживались. Русским патриотам угрожали преследования за убеждения и даже аресты. Н.С. Трубецкой не был арестован лишь потому, что он был князь, аристократ, но в его квартире производились неоднократные, причем весьма грубые обыски, вызвавшие инфаркт и раннюю смерть. Этот траги-

ческий эпизод мне рассказал Петр Николаевич Савицкий¹² в Праге, когда в 1966 г. советские ученые ездили туда на археологический конгресс.

В русской эмиграции двадцатых и тридцатых годов было два направления: либеральное и монархическое. Либералы мечтали ввести в России парламентскую республику по образцу английской или французской, т. е. уподобить Россию Европе. Именно против такой оксидентализации или вестернизации России и возражали евразийцы, осуждая Петра I.

Русская эмиграция двадцатых и тридцатых годов отнеслась к евразийству в целом отрицательно. Как монархисты, мечтавшие о возвращении прошлого, так и либералы, стремившиеся превратить Россию в подобие Дании, обвиняли евразийцев в «сменовеховстве» – компромиссе с коммунизмом. Если сформулировать приведенные ниже ответы евразийцев, то возникает только одна фраза: «зачем нам прошлое, которое было беременно настоящим?» Конечно, это не означало, что евразийцы стремились примкнуть к коммунизму или даже испытывали симпатию к режиму в России того времени, но вспомним, что тот период был переплетением троцкизма со сталинщиной, так что требовать с эми-

¹² Но и чехи относились к евразийцам плохо. П.Н. Савицкий написал сборник стихов биографического жанра... и был посажен в тюрьму в Праге в 1964 г. и вызволен только заступничеством советского представителя, который, ознакомившись с делом, не обнаружил никакого криминала. Благополучно сложилась биография Г.В. Вернадского, уехавшего в Америку, где он попросту не был интересен американцам, ибо его темы были не актуальны для США.

грантов?!

Н.С. Трубецкой работал на том уровне европейской науки, который ныне, безусловно, устарел. Мы внесем поправки и проверим концепцию кн. Н.С. Трубецкого на прочность, используя материал, неизвестный автору. Если концепция в целом верна, то выводы должны сойтись.

Соседи Евразии (Проверка концепции)

Условившись в определении понятия Евразии – степная полоса от Хингана до Карпат, ограниченная с севера «таежным морем», т. е. сплошной полосой леса, а с юга пустынями и горами, у подножий которых располагаются оазисы, – нам надлежит охарактеризовать соседние суперэтноты, взаимодействовавшие с евразийскими народами: Срединную равнину, называемую ныне «Китай» (условное наименование), Афразию (Ближний Восток и Иран) и Западную Европу – романо-германскую целостность. Восточная Европа, точнее – Западная Евразия органически связана с Великой Степью, так как наиболее населенная ее часть – лесостепь, включающая на севере ополья, а на юге азональные ландшафты речных долин и несохранившиеся причерноморские леса, в античную эпоху именовавшиеся «Гилея».

В историческое время в Евразии протекали три витка этногенеза: скифский (до III в. до н. э.)¹³, хунно-сарматский (с

¹³ Скифы (греч.) или саки (перс.) – история их темна; она не может быть ис-

III в. до н. э. по XI в.)¹⁴, монголо-маньчжурский – на востоке (XII–XX вв.). Четвертый – великорусский¹⁵, начавшийся в XIII в., еще не кончен.

За 2500 лет в Евразии сменилось несколько этносов, но при сопоставлении их в избранном параметре – взаимоотношение с соседями – просматривается общая закономерность. Каждый этнос имеет две культурно-политические доминанты:

I. Стремление к подражанию соседям, более богатым и многочисленным, – мимесис.

II. Стремление к оригинальности, на основе адаптационного синдрома или приспособления к вмещающему ландшафту – евтурофилия (любовь к Родине) – евразийство. Так у всех!

Весьма примечательно, что, к примеру, хунны не искали территориальных приобретений. Царица хуннов сказала мужу, шаньюю Модэ, окружившему авангард китайского вой-

пользована для интерпретации.

¹⁴ Хунны обитали рядом с Китаем в современной Внутренней и Внешней Монголии. В III в. до н. э. Китай объединился, и при династии Хань с 202 г. до н. э. по 221 г. н. э. население его выросло до 59 млн. чел. [144, с.270 – 274], тогда как хуннов было около 300 000 чел. Но при военных столкновениях обе стороны сражались как равноценные силы [66, с.63 – 144].

¹⁵ Великороссия как этнический термин означает сложный этнографический состав этноса, включивший многих соседей, в данном случае кроме славян: угро-финнов, тюрков-куманов, якутов, бурят, восточных балтов и монголо-татар, большая часть коих растворилась в ведущем этносе, а меньшая сохранилась как реликты.

ска вместе с императором в 200 г. до н. э.: «Приобретя земли дома Хань, не можешь жить на них» [30, т. I, с.51]. Шаньюй (правитель) согласился и заключил мир на основе «мира и родства», что означало брак китайской царицы с иностранным властителем и присылку установленного количества даров [там же] – замаскированную дань.

Четкую характеристику хунно-китайских противоречий дал евнух Юе, обиженный императором династии Хань, насильно отправленный к хуннам и отдавший свои симпатии шаньюю. Он говорил: «Прежде, т. е. после побед над китайцами, многие хуннские женщины сменили овчины на шелковые платья. Наряду с кумысом и сыром у хуннов появились вино, печенье и китайские лакомства, а с ними и упадок нравов. Если ты, шаньюй, изменишь обычаи, а Китай истратит одну десятую своих вещей на подкуп, все хунны будут на стороне Хань. Дерите на колючках шелковые ткани, продолжайте есть сыр и молоко, иначе вы потеряете свободу, а с нею и жизнь».

Но сила вещей могущественнее убеждений. За сто лет в державе Хунну сложились две партии, которые мы условно назовем: придворная и старохуннская. Первая принимала многочисленных эмигрантов из Китая, давая им возможность сеять просо и жить среди хуннов, не сливаясь с ними. Вторая хранила традиции покойных шаньюев: право «сражаться на коне за господство над народами» [30, т. 1, с.57–59].

Единое «этническое поле» хуннов раскололось. Так разрывается комета, пролетающая слишком близко от большой планеты¹⁶. Следствием раскола стали междоусобные войны, восстания покоренных племен и подчинение Китаю. Трагедия затянулась лишь за счет узурпации Ван Мана, попытавшегося заменить традицию разумом, конечно собственным, поголовного восстания китайских крестьян – «краснобровых» – и аристократов против узурпатора и ослабления Китая (18–25 гг.), но к 93 г. Хунну было сокрушено и последний шаньюй, проиграв последнюю войну, погиб.

Хунны частью отступили на запад, где объединились с биттогурами (манси), а частью поселились вдоль длинной китайской стены и подчинились династии Младшая Хань.

Вернуться в Великую степь они не могли, потому что вековая засуха III в. превратила степи в пустыню Гоби, расширившуюся до того, что она стала непроходимой [81]. Разделение хуннов шло по отмеченному признаку: северную Хунну составили пассионарные удалыцы, тяготившиеся ограниченностью возможностей при родовом строе, где богатырь не мог достичь почестей и власти, так как все должности занимались по старшинству. Поэтому на севере скопились предприимчивые честолюбцы и масса инертного населения. А на юг ушли носители родовых традиций: «старцы и почитательные отроки» [66, с.215 и след.], готовые служить ки-

¹⁶ Хунну разделилось на две державы: северную и южную; обе погибли, но по-разному.

тайским офицерам, лишь бы те обеспечили им спокойную жизнь. Естественно, северные хунны были евразийским вариантом развития, а южные создали хунно-китайскую химеру в III в. Но она оказалась нестойкой. Китайцы так обижали хуннов, что те восстали в 304 г. и сражались, пока не погибли в 460 г. [121, с.189–202].

С биттогурами хунны смогли объединиться, потому что те и другие были членами одного супеэтноса – евразийского. Они вместе совершили поход на готов и римлян в 451 г., но после поражения от германцев при реке Недао от хуннов остался только один осколок, но прославился он на весь мир. Они назывались «голубые тюрки» [94].

Древние «голубые» тюрки (мн.ч. тюркют) сложились из двух ветвей хуннов и одного сяньбийского (древнемонгольского) отряда, которыми командовал вождь по имени Ашина.

После долгих исторических коллизий они, оторвавшись от китайского и романо-германского суперэтносов, не только уцелели, но и сумели объединить вокруг себя всю Великую степь и даже оазисы Согдианы. Их государство называлось Великий каганат, или Вечный тюркский Эль-Орда и охузи (покоренные племена)¹⁷, и просуществовало с 545 по 745 г., но было уничтожено китайскими дипломатами, сумевшими вызвать восстание уйгуров и других племен.

¹⁷ Орда, по-тюркски, тюрк беглер будун – тюркские беги и народ; охузы – племена. Соединение орды и охузов – эль – держава [94, с.53 – 65.].

Этот немногочисленный евразийский этнос оставил потомкам не только свое имя, но и свои традиции и славу одержанных ими побед. Реликтом тюрков (тюркютов) было племя телес на Алтае. К середине XX в. оно слилось с соседними теленгитами. Конец этого этноса был не насильственным, а естественным: от старости.

Тюрков сменили в Великой степи уйгуры (745–840 гг.). Они старательно избегали контактов с Китаем, как политических, так и культурных, но их соблазнила мысль иранских гностиков-манихеев (766–767 гг.). Это мистико-атеистическое учение было весьма логично и изящно, но совсем не подходило евразийским кочевникам. Убийство считалось грехом, а воевать было необходимо; пост был обязателен, причем запрещалось не только мясо, но и молоко, семья осуждалась, но разрешались оргии, ибо все материальное считалось порождением мрака, а жизнь рассматривалась как этап переселения душ. Это учение было для уйгуров экзотично и неприемлемо, но интеллектуалы его восприняли фанатично. Возникла коллизия, аналогичная разделению интеллигенции и народа в Москве XIX в. В Уйгурии она закончилась катастрофой в 840 г. Уйгурское ханство уничтожили сибирские кыргызы, а народ разбежался кто куда. Оказалось, что идеологическая агрессия может быть столь же губительной, как и военно-политическая [см. 94].

Последние этносы хуннского этногенетического взрыва: кимаки, кыпчаки и гузы – медленно угасали, черпая пассив-

онарность у соседей: в Средней Азии у мусульман, в Причерноморье у русичей (половцы), а в Маньчжурии у жителей Срединной равнины – кидани, от этнонима которых возник топоним – Китай. Только в XI в. новый взрыв этногенеза создал этнос – монгол.

Остановимся и сделаем вывод. Все евразийские этносы жили на своей родине сравнительно благополучно. Но, проникая в Китай, то как победители, то как гости, они гибли, равно и принимая китайцев к себе. Контакт на суперэтническом уровне давал негативные результаты. Даже идеологическая агрессия – манихейство у уйгуров – давала тот же результат.

Очевидно, что монголы не могли стать исключением. Вбирая в себя новые этносы, новые идеологические системы и новые стереотипы поведения, они должны были деформироваться и из евразийцев превратиться в химерные конструкции, всегда нестойкие.

После смерти Чингисхана его дети и внуки продолжали войны, так как против них выступила империя Южная Сун, стремившаяся вытеснить монголов из Северного Китая – земель империи Кинь. Багдадский халиф объявил против монголов джихад, а папа – крестовый поход. Только православная никейская империя заключила с монголами справедливый мир... и не пострадала.

К 1260 г. монголы-христиане, шедшие на освобождение Иерусалима, потерпели полное поражение в Галилее и были

отброшены за Евфрат, а в Китае царевич Хубилай объявил себя великим ханом, не будучи избранным курултаем. Как только монгольские кони вышли за географические пределы Евразии, монголы начали терпеть поражения даже друг от друга – в междоусобных войнах. В Иране, в Средней Азии и в Поволжье мусульмане восторжествовали над своими победителями, а в Китае Хубилай из хана превратился в императора династии Юань, т. е. китайского. К 1370 г. господство монголов окончилось. В Китае воцарилась национальная династия Мин, а в Средней Азии и Иране – эмир Тимур, паладин культуры ислама. Евразийская традиция уцелела только в улусе Джучиевом.

Таким образом, евразийская концепция этнокультурных регионов и химерных целостностей в маргинальных (окраинных) зонах оказалась пригодной для интерпретации всемирно-исторических процессов. Там, где сталкиваются два и более суперэтнуса, множатся бедствия и нарушается логика творческих процессов. Возникает подражание (мимесис) как противник оригинальности, и, таким образом, нарушается принцип «познай себя» или «будь самим собой».

Напротив, этносы, живущие на своих территориях-родинах, поддерживающие свою традицию – «отечество», уживаются с соседями розно, но в мире. Да и в самом деле, стоит ли делать из планеты Земля огромную коммунальную квартиру?

Мы заглянули в глубину веков. А теперь вслед за Н.С.

Трубецким обратимся к Ветхому Завету и тем самым... к современности.

* * *

Случилось так, что практически все тезисы Н.С. Трубецкого о культуре и, шире, о судьбе евразийских народов, высказанные в 20–30-х годах, были поддержаны последующими событиями. Таким образом, читателю, знакомящемуся с трудами Н.С. Трубецкого, предоставлена удобная возможность соотнести послышки ученого с известными историческими событиями и процессами.

«Я отрицаю возможность общечеловеческой культуры» – так формулирует Н.С. Трубецкой идею евразийства о развитии национальной культуры, исчерпывающе полно изложенную им в статье «Вавилонская башня и смешение языков».

Сама культура понимается автором как «...исторически непрерывно меняющийся продукт коллективного творчества прошлых и современных поколений данной социальной среды, причем каждая отдельная культурная ценность имеет целью удовлетворение определенных (материальных или духовных) потребностей всего данного социального целого или входящих в его состав индивидов». Аргументы Н.С. Трубецкого просты и убедительны. Культура какой-либо общности всегда производит «нивелировку индивидуальных различий его членов». Понятно, что это усреднение должно и может

происходить на основе общих для всех «членов» национальной или социальной общности потребностей. Сильно различаясь в стремлениях духовных, люди общи в логике и материальных потребностях. Отсюда примат «логики, рационалистической науки и материальной техники» над «религией, этикой и эстетикой» в однородной общечеловеческой культуре неизбежен. Неизбежно и следствие – духовная примитивизация и бессмысленное строительство «вавилонских башен» (последнее понимается автором предельно широко).

Совершенно иначе развивается культура, опирающаяся на национальный принцип. Только она стимулирует «духовно-возвышающие человека ценности». Ведь идеальный аспект такой культуры органически, «интимно» близок «ее носителям».

Попробуем взглянуть на доводы ученого с точки зрения известной современности общей теории систем. Известно, что жизнеспособна и успешно функционировать может лишь система достаточно сложная. Общечеловеческая «культура» возможна лишь при предельном упрощении (за счет уничтожения национальных культур). Предел упрощения системы – ее гибель.

Напротив, система, обладающая значительным числом элементов, имеющих единые функции, жизнеспособна и перспективна в своем развитии. Такой системе будет соответствовать культура отдельного «национального организма». Из национальных культур составляется «радужная сеть,

единая и гармоничная в силу непрерывности и в то же время бесконечно многообразная в силу своей дифференцированности».

Перейдя от «общечеловеческого» уровня к «национальному», передадим слово этнологии. Очевидно, что «радужную сеть» составляют этносы, находящиеся на тех или иных фазах этногенеза. Совокупность этносов, связанных единой исторической судьбой, составляет суперэтносы, которые соотносимы с «культурно-историческими зонами» Н.С. Трубецкого. И, наконец, именно этнос, состоящий из субэтносов и постоянно возникающих консорций, являясь дискретной системой, обеспечивает как необходимую для культуры дифференцированность, так и необходимое единство носителей этой культуры [136]. Необходимо отметить, что решая культурологические, исторические или современные ему политические проблемы, Н.С. Трубецкой в своих исследованиях все время отыскивал категорию этнологически значимого «целого». Ни класс, ни отдельный народ, ни целое человечество, по Н.С. Трубецкому, такой категории не соответствует. Этим «целым» в действительности может быть «совокупность народов, населяющих хозяйственно самодовлеющее (автаркическое) месторазвитие и связанных друг с другом не расой, а общностью исторической судьбы, совместной работой над созданием одной и той же культуры или одного и того же государства». Читатель, знакомый с сегодняшним уровнем этнологии, отдаст должное интуиции ученого.

Приведенная цитата взята из статьи Н.С. Трубецкого «Об идее-правительнице идеокрэтического государства», напечатанной в 1935 г. Дата делает понятным пафос статьи. В тридцатых годах к СССР, идеократически осуществляющему принцип классовой диктатуры, добавляются фашистские режимы, ставящие во главу угла идеократию националистическую. Обе идеологии, с точки зрения евразийства, принимают следствие идеократии – социализм или национал-социализм – за ее содержание. Обе идеологии, таким образом, не только далеки от истинной идеократии, но и находятся на пути, к ней не ведущем. Подлинной идеей-правительницей можно счесть лишь «благо совокупности народов, населяющих данный автаркический мир». Характерной чертой евразийства вообще и теории идеократического государства в особенности является взаимосвязанность и взаимозависимость всех теоретических элементов. Совокупность народов, живо ощущающих «общность культурных и исторических традиций», ведет автаркическое хозяйство на определенном «месторазвитии». Тем самым сохраняется преемственность взаимодействия этноса и кормящего ландшафта. Сохраняется национальный характер культуры как в «целом», так и в «индивидуациях», составляющих «целое». Важно добавить, что необходимым условием осуществления идеократии является сдвиг в самосознании людей и народа в сторону понимания ими своей исторически определенной функции в жизни «органического целого». Однако само

существование идеократического государства оправданно и необходимо лишь тогда, когда осуществляется идея «блага народов» конкретно автаркического мира.

В настоящем сборнике читатель найдет ответ на вопрос, как общие положения евразийства применимы к конкретным проблемам, современным Н.С. Трубецкому. Тот факт, что эти проблемы актуальны и в 90-е годы XX в., придает историко-культурным исследованиям ученого особую практическую ценность. К таким работам относятся статьи «К украинской проблеме» и полемический «Ответ Д.И. Дорошенку», касающиеся отношений России и Украины. То, что исследованию подвергается именно культурный аспект русско-украинских отношений, ни в коей мере не говорит об ограниченности идей Трубецкого областью культурологии. «Державная» сторона вопроса решается в рамках общей идеи о существовании Евразии. Взаимоотношения России и Украины, таким образом, сводятся к взаимосвязи двух культур, точнее, двух «индивидуаций» русской культуры. Причем, если «нижний этаж» каждого «краевого варианта» культуры национален, то именно в «верхнем этаже» русская культура достигает своего единства. Термины «нижний» и «верхний» этажи культуры находят пояснения у самого Н.С. Трубецкого. Не неся элемента оценки, эти понятия у автора означают лишь две функции культуры, в значительной мере противопоставленные друг другу. «Обращенный к народным корням» нижний этаж и «обращенный к высшей духов-

ной и умственной жизни» верхний формируют многофункциональную культуру. При этом каких-либо барьеров между «этажами» культуры не существует. Вообще «устранение... пропасти между интеллигенцией и народными массами является одним из главных лозунгов всего евразийского движения». Естественно, что многофункциональная культура в своем едином «верхнем» этаже, проявляясь в деятельности таких людей, как Ф.М. Достоевский и Н.В. Гоголь, А.А. Шахматов и А.А. Потебня, столь же принадлежит народным массам, как и культура «нижнего этажа», непосредственно обращенная к народу и сливающаяся с народной эстетикой труда и творчества. Переходя через множество промежуточных уровней, культура «нижнего этажа» непременно получает «краевую дифференциацию». Для единой русской культуры это – краевые «индивидуации» Украины и Белоруссии, России, ее Севера, Дона, Сибири с множественными собственными дроблениями в каждом крае.

В соответствии с историко-культурными взглядами евразийцев, реформы Петра, подготовленные второй половиной XVII в., прервали культурную традицию Руси. Этот разрыв в разной степени коснулся как России, так и Украины – факт, совершенно упущенный оппонентом Н.С. Трубецкого – Д.И. Дорошенко. Петровская и послепетровская секуляризация оттеснила Православие, понижавшее, подобно нерву, все слои русской культуры, породила в русском обществе духовное опустошение. А при господстве откоро-

венно антирелигиозной системы духовная опустошенность «дошла до кульминационной точки» (время публикации статьи – 1927 г.). Перспективным для развития единой русской культуры путем Н.С. Трубецкой считает путь восстановления религиозного начала как интегрирующего фактора всех «индивидуальных» культур.

Резюмируя общую теорию евразийства, сделаем исторический экскурс. С начала нашей эры евразийские народы объединялись несколько раз: хунны, сменившие скифов, Великий Тюркский Каганат VI–VIII вв., монгольский улус XII в. (см. статью «Наследие Чингисхана») и Россия (в широком понимании термина). Как государственное строительство, так и духовная культура евразийских народов давно слита в «радужную сеть» единой суперэтнической целостности. Следовательно, любой территориальный вопрос может быть решен только на фундаменте евразийского единства.

О нем следующий и последний раздел.

Евразия XX века («Общевеэразийский национализм»)

Евразийство, по Н.С. Трубецкому, – это менее всего простая интерпретация исторических событий. Помимо анализа современной Н.С. Трубецкому национальной ситуации в СССР – Евразии, автор предлагает и модель будущего национального устройства Евразии и пути следования к нему.

Следствием революции явилось то, что русский народ утратил свое положение «хозяина государства». При этом понятие «хозяин государства» нуждается в уточнении. Из работ самого Н.С. Трубецкого («Наследие Чингисхана» и др.) можно сделать вывод о том, что эта декларация являлась, по существу, лишь формальным проявлением той «русификации», которую производила «антинациональная монархия». Истинные же перемены в положении народов бывшей Российской империи сводятся к приобретению ими равноправия.

Н.С. Трубецкой, верный идее евразийской общности, находит факторы, поддерживающие государственную целостность Евразии в прошлом, в настоящем (20-е гг. XX в.) и в будущем.

Если для прошлого это – идея русской государственности, то в настоящем Н.С. Трубецкой определяет «объединяющий фактор» Евразии – СССР как стремление к определенному социальному идеалу. Также не может оставаться пустым место «хозяина» территории. По Н.С. Трубецкому, русский народ сменен пролетариатом всех народов СССР.

Нам интересна оценка перспектив национального развития СССР – Евразии, сделанная ученым более 60 лет назад.

Приходится вновь отметить проницательность ученого: «...идея диктатуры пролетариата, сознание солидарности пролетариата и разжигание классовой ненависти... должны оказаться недействительными средствами против развития

националистических и сепаратистских стремлений народов СССР». И это при том, что оптимальной формой сосуществования евразийских народов Н.С. Трубецкой считает общую государственность и, более того, «евразийское братство». Какой же «объективный фактор», по мнению автора, будет актуален для будущего СССР – Евразии?

По Н.С. Трубецкому, «национализм каждого отдельного народа Евразии (СССР) должен комбинироваться с национализмом общевразийским». Аргументация автора, может быть проверена столь мучительными порою коллизиями сегодняшнего дня. По мнению автора, евразийские народы связаны общностью исторической судьбы. Прошедшие десятилетия усилили эту связь. Известны были Н.С. Трубецкому центробежные для Евразии тенденции «панизмов», выделяющие народы по отдельно взятому признаку. «Отторжение одного народа из этого (евразийского. – Л.Г.) единства может быть произведено только путем искусственного насилия над природой и должно привести к страданиям». События XX в. вполне подтвердили правоту Н.С. Трубецкого.

Необходимо повториться: ученый рассматривал теорию евразийства как программу будущего Евразии. Можно спорить с терминологией Н.С. Трубецкого, Справедливо и то, что концепция евразийства не охватывает все стороны действительности СССР – Евразии. Однако, бесспорно, практически ценным является как утверждение единства многонационального евразийского суперэтнуса, так и гуманитарные пути

самопознания, предлагаемые Н.С. Трубецким.

Из истории Евразии¹⁸

Вместо введения

Огромный континент, омываемый тремя океанами, Атлантическим – с запада, Тихим – с востока и Индийским – с юга, издавна населен народами, вошедшими в историю. Однако эта огромная территория нуждается в районировании, как в пространственном, так и во временном. Народы то возникали, то исчезали на этих необъятных пространствах, составляя определенные географические целостности, так как природные условия и ресурсы на разных территориях континента были неодинаковыми.

Так, южный полуостров Индостан ограничен от прочих районов Азии высокими горами Гималаями, пустынями Белуджистана и густыми джунглями, отделяющими Бирму от Бенгалии. Рядом с Индией располагалась страна, называемая Афразия. Это средиземноморский бассейн, включающий в себя Ближний Восток и Африку севернее Сахары. Народы, населявшие Афразию, всегда представляли собой особую целостность, связанную культурными, экономическими и политическими связями. Иногда эта целостность захватывала южную часть Европейского полуострова – Испанию, а

¹⁸ Печатается по рукописи.

иногда отступала на юго-восток от Средиземного моря.

Рядом с Афразией располагался Европейский полуостров этого великого континента: страна влажная и теплая, ограниченная с востока внутренней частью континента. Граница между ними пролегла по атмосфере! Это изотерма января, которая на западе положительная, а на востоке отрицательная. Принято западную часть называть Европой, а восточную Евразией. Восточная часть в климатическом отношении характерна суровыми зимами, засушливыми степями и монотонным ландшафтом: на севере – лесным, а на юге – степным. Сходство ландшафтов определяло характер народов, населявших ту область, в которой ныне располагаются Россия, Монголия и район оазисов – Средняя Азия. К востоку от евразийской степи лежит юго-восточный полуостров континента – муссонная область, называемая Китаем. Евразией в историко-культурном смысле термина мы считаем только ту часть континента, которая лежит между Китаем, горными цепями Тибета и западным полуостровом – Европой.

Долгое время ученые-европоцентристы, как и китае-центристы, считали центральную («Высокую») Азию границей Ойкумены и не придавали народам, населявшим ее – скифам, тюркам, хуннам, монголам и русским, – самостоятельного значения. Вряд ли это верно. По существу, народы, обитавшие здесь, играли свою роль в становлении культуры и противостоянии Востока и Запада. Они составляли как бы особый регион в культурной истории человечества, не ме-

нее важный, чем китайский и европейский. То, что они занимались больше скотоводством, нежели земледелием, не мешало развитию их искусства на Алтае, в долинах великих рек: Волги, Дона и Днепра, оазисах в междуречьях Сырдарьи и Амударьи и в предгорьях Тянь-Шаня. Эти народы, с того момента, как они вошли в историю, составляли самостоятельный регион развития искусства, идеологии, экономики. И если до сих пор Европа не стала частью Китая, – что могло случиться в I в. н. э. (ханьская агрессия) и в VIII в. н. э. (тайская агрессия), то это заслуга хуннов, тюрок, монголов и русских, всегда стремившихся к объединению для защиты себя от иностранных оккупантов. И это началось за тысячу лет до нашей эры.

На рубеже IX и VIII вв. до н. э. в степях Центральной Азии сложился комплекс кочевых этносов, в котором ведущую роль играли хунны, но куда входили динлины, дунху (предки сяньбийцев и монголов), усунь и кочевые тибетцы Амдо и Куньлуня. Эта суперэтническая целостность находилась в оппозиции Древнему Китаю и ираноязычному Турану (юечжам), Первые пятьсот лет, до 209 г. до н. э., история кочевников письменными источниками не освещена, но, согласно нашей модели, на этот период истории падают фаза пассионарного подъема этногенеза и начало фазы акматической. Конец этой фазы известен с достаточной степенью подробности. Большую часть сил хунны тратили на отражение ханьской агрессии, благодаря чему смогли удержать незави-

симость и целостность державы до конца I в. н. э. Разгромленные сяньбийцами в 93 г., хунны раскололись на четыре ветви, одна из которых перемешалась с сяньбийцами, вторая осела в Семиречье, третья ушла в Европу, а четвертая вошла в Китай и там погибла.

По принятой нами терминологии, эпоха II–V вв. для всех этносов, входивших в «хуннский» суперэтнос, была фазой упадка, после которой остались некоторые реликты, но ход этногенеза прервался.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.